

ИГОРЬ ОЗЁРСКИЙ

БЕЗЫМЯННЫЕ

#1

Игорь Дмитриевич Озёрский

Безымянные

Серия «По ту сторону», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68340485
Безымянные: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-175442-6

Аннотация

«Безымянные» – мистический триллер, захватывающая философская головоломка.

Восемь героев оказываются за чертой жизни. Атмосфера таинственного загробного мира заставляет задаться вопросами: что действительно для нас важно и стоит усилий? Чего мы на самом деле боимся? Чем может пожертвовать человек, чтобы спастись от неизбежного? Лишь сквозь призму смерти можно в полной мере осознать ценность жизни. Миллионы людей ищут разгадку и мечтают понять, что же «там» – за чертой. Но как они поведут себя, когда в действительности окажутся «по ту сторону»?

«Роман "Безымянные" – интересная смесь философии, стилистики Стругацких и Пелевина. Смелая попытка автора заглянуть в вечное "нигде". Если вы устали от заезженных до смерти сюжетов – загляните в ближайший книжный за "Безымянными"». – Генри Сирил, автор триллера «Сценарий».

Содержание

Часть первая. Ничто	5
Номер один	5
Номер два	16
Номер три	24
Номер четыре	37
Номер пять	47
Номер шесть	62
Номер семь	74
Номер восемь	85
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Игорь Дмитриевич Озёрский Безымянные

© Текст. Озёрский Игорь, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*С благодарностью моей жене Екатерине
Озёрской за помощь и поддержку*

Часть первая. Ничто

Номер один

Раггиро Рокка, пилот гоночного болида Формулы-1, резко повернул руль и изо всех сил вдавил педаль акселератора. Мотор заработал на предельной мощности и зажужжал, словно рой разъярённых шмелей. Из-под обтянутых толстой резиной колёсных дисков, крутящихся с сумасшедшей скоростью, раздался свист, и автомобиль развернулся в нужную сторону.

Молодой итальянец прижался к внутренней стороне трассы, ловко обошёл последнего соперника и выскочил точно перед ним, не подрезая, но и не давая возможности для манёвра. Поворот, ещё один. Впереди самый сложный из участков. А за ним – финиш.

Стоял жаркий солнечный день, но асфальт оставался ещё довольно влажным после многодневных ливней. На мокрой трассе машина вела себя нервно. Капли воды забивались между шинами и асфальтом и не давали резине как следует прилипнуть к дорожному полотну. Но красно-белый Ferrari с чёрной восьмёркой на узком капоте скользил по трассе уверенно, легко и непринуждённо, как фигурист, ощущающий полное единение с холодной и твердой поверхностью льда.

Трасса резко изогнулась, но болид плавно вошёл в крутой поворот. Что-то мелькнуло в зеркале заднего вида. Гонщик не мог допустить, чтобы соперник его обошёл на предфинишном этапе.

Раггиро подумал, что стоит немного сбросить скорость перед следующим поворотом. Но это рискованно, так как другие болиды явно не отставали.

Необходимо было принять решение.

Перед глазами пронеслось далёкое, почти забытое детское воспоминание.

Раггиро учился кататься на велосипеде. Его отец, Сильвио Рокка, считал, что *трёхколесный велосипед – это ерунда. А вот два колеса – то, что надо!* Он утверждал, что дополнительные колёса приносят только вред. И Сильвио Рокка даже не осознавал тогда, насколько он оказался прав.

– Чтобы поехать на велосипеде, – говорил отец, – самое важное – поймать момент, когда велосипед начинает заваливаться. Тогда нужно перенести вес тела на другую сторону и сразу надавить на педаль. Это всего лишь доля секунды между двумя возможными вариантами падения. Но именно тогда ты должен приложить все усилия, чтобы выровнять велосипед и вырваться из этого цикла падений. Вырваться, словно птица! Раггиро, ты понимаешь, о чём я говорю?

Раггиро понимал отца. Он крепко схватился за руль и запрыгнул на сиденье. Но переднее колесо тут же предательски вывернулось, и велосипед завалился в сторону. Мальчик

упал и разбил локоть. Было больно. Ещё сильнее – обидно. На глаза навернулись слёзы, но отец поднял его и сказал:

– Неудачи, сынок, неотъемлемая часть нашей жизни. Жизни каждого. Вопрос в том, как ты к этому относишься.

Мальчик протёр глаза и попробовал ещё раз. Велосипед снова упал. Вдобавок к локтю саднило теперь и колено. Но на этот раз маленький Раггиро уже не плакал. Он пытался ещё и ещё. В какой-то момент мальчик опять начал заваливаться вбок, но сумел резко перенести вес тела в противоположную сторону. И тогда он услышал крик отца:

– Жми на педали!

Раггиро нажал изо всех сил, на какие был способен шестилетний ребёнок, и... поехал!

Мальчику казалось, он разорвал цепи, что приковывали его к земле и не давали тронуться с места. Теперь невидимые клещи, которые удерживали велосипед за заднее колесо, наконец, раскрылись и отпустили велосипедиста, позволив ему почувствовать всё великолепие движения. Это было потрясающее мгновение. Ощущение скорости и полёта после множества неудач. Маленький Раггиро Рокка сделал это! У него получилось вырваться из цикла падений и полететь. Как птица!

Одновременно с новыми достижениями пришли и новые ошибки. Первой из них была та же, которую в своё время совершил пресловутый Икар, взлетевший слишком высоко, – туда, где солнце расплавил воск, скрепляющий перья в кры-

льях, сделанных его отцом Дедалом.

Раггиро захотел почувствовать скорость в полной мере. Воспринять полёт каждой клеточкой своего тела и максимально заполнить лёгкие усиливающимися потоками воздуха. Он крутил и крутил педали. Давил на них, что было мочи, так же, как через много лет он будет давить на педаль акселератора гоночного болида. Руль велосипеда ходил из стороны в сторону, виляя то вправо, то влево.

Вдруг под переднее колесо попал камень: словно юркая домовая мышь, бросился под тонкое колесо. Оно дёрнулось и повернулось в сторону, увлекая за собой руль. Велосипед завалился на Раггиро, протащив его несколько метров по асфальту.

Испуганный Сильвио Рокка подбежал к мальчику и откинул велосипед. Наклонившись к сыну, он с удивлением обнаружил на его лице счастливую улыбку.

– Неудачи – неотъемлемая часть... Да, папа? – Раггиро звонко рассмеялся.

– Неудачи – неотъемлемая часть, – повторил Раггиро Рокка спустя двадцать один год за рулём гоночного болида, летя по трассе Формулы-1 со скоростью около трёхсот километров в час.

– Но только не в этот раз, – добавил гонщик. – Не в этот раз...

Раггиро резко повернул, пытаясь не дать автомобилю соперника обойти себя. И сразу же дёрнул руль в обратную сто-

рону, чтобы не вылететь из поворота. Только колёса болида послушно заскользили по влажному асфальту, как гонщик почувствовал удар. Краем глаза Раггиरो успел заметить ещё один автомобиль, но было уже слишком поздно.

Пытаясь справиться с управлением, гонщик крутил руль, но машина больше не слушалась. Болид вылетел за пределы трассы, и колёса оторвались от асфальта. Раггиरो вжало в сиденье. В лицо ударили лучи солнца, и перед глазами возник камень. Тот самый, что так любит кидаться под колёса.

«Наверное, этот маленький гадёныш каким-то образом проник на трассу», – подумал Раггиро. Тут что-то сильно ударило его сначала в лоб, а затем в затылок.

«Мышь... Это вовсе не камень, а грёбаная домовая мышь. Она просто очень похожа на камень. Маленькая каменистая мышь...»

Живот и плечо пронзила резкая боль. Во рту появился привкус крови. Гонщику показалось, что салон болида заполнился ароматом одеколона, похожего на тот, что использовал его отец. Только почему-то запах очень сильно напоминал бензин.

Дышать становилось всё тяжелее. Глаза вновь обожгли безжалостные солнечные лучи. Стало очень светло. Свет был настолько ярким, всепоглощающим, осязаемым, что Раггиро на мгновение даже показалось, что он может до него дотронуться.

Время остановилось. Окруживший гонщика свет застыл,

словно не знал, что ему делать дальше. Раггиरो ожидал, что вскоре свет померкнет и сгустится тьма. Она уступит место сновидениям, возможно, кошмарам. Затем он поднимет веки и, скорее всего, увидит перед собой потрескавшийся потолок больничной палаты.

Но свет не исчезал. Он проникал повсюду, заполняя каждую частицу этого мира. Раггиро Рокка вспомнил Икара и его неудачу. Затем он вновь услышал слова отца: «Неудачи, сынок, неотъемлемая часть нашей жизни. Жизни каждого. Вопрос в том, как ты к ним относишься».

Раггиро подумал, что, наверное, Дедал говорил то же самое, соскребая останки своего сына с земли.

Гонщик хотел моргнуть, но не смог этого сделать. Раггиро поймал себя на мысли, что не чувствует тела. Ему показалось, будто он превратился в маленькую каменную мышь. Единственное, что ещё оставалось возможным, – мыслить.

«Что происходит? – думал он. – Неужели это сон? Хотя не особо похоже...»

В этот момент вновь возник голос отца:

«Жми на педали, сынок!» – кричал он.

– Жму изо всех сил! – крикнул в ответ Раггиро, но слова не вырвались из его рта.

«Может, это кома? – Раггиро Рокка вновь попробовал заставить себя моргнуть, но ничего не вышло. – Чёрт, да что же происходит?!»

«Жми на педали!» – прокричал отец.

– Да жму я! Жму! – резко откликнулся гонщик.

Мысли начали путаться. Вновь перед глазами появился камень. Из него торчал длинный мышинный хвост. Но он тут же куда-то исчез. Мимо пролетали гоночные болиды, а сидящие в них пилоты крутили велосипедные педали.

В голове проносились мысли о том, что с ним могло произойти. Но они появлялись и исчезали так быстро, что гонщик не поспевал за ними. Одна сменялась другой и, не задерживаясь, уступала место следующей. Мысли сталкивались, цеплялись друг за друга и вновь разлетались. Большую мысль сменяли сотни маленьких. На мгновение они соединялись между собой и снова распадались. Ни одной из них не удавалось задержаться надолго. В голове образовался хаос. Всё стало сумбурным, бессвязным. Тут же окружающий Раггиро свет начал тускнеть. Становилось всё темнее и темнее, пока не наступила полная чернота.

Бесконечно чёрное и абсолютно пустое пространство.

Ничто.

* * *

– *Приветствую тебя, Номер Один.*

Слова неожиданно возникли в сознании. В тот же миг внутренний хаос прекратился, будто его никогда и не было. Мысли смущённо замерли и поспешно разбрелись по своим местам, словно разыгравшиеся дети, которые не сразу за-

метили вошедшего в класс учителя. Раггиро почувствовал спокойствие и умиротворение. Наконец этот назойливый камень-мышь, что устроил безумную панику в голове, оставит его в покое. Теперь он далеко от всякой суеты. Раггиро не знал точно, где именно, но ощущал, что достаточно далеко.

«Номер Один? – с нотками иронии подумал гонщик. – Это утешает...»

– *Утешает?*

Вопрос сам по себе возник в его сознании.

– Ну да, – мысленно ответил Раггиро, – по крайней мере, я всё же первый.

– *Первый...*

– Кто со мной говорит?

– *Это неважно.*

Гонщику показалось, что последние слова невидимого собеседника он уже чётко слышит, а не воспринимает неведомым телепатическим образом.

Голос напоминал человеческий, но при этом не был похож на голоса, которые молодому человеку приходилось слышать. Раггиро Рокка не мог определить, откуда голос исходит. Иногда слова незнакомца напоминали доносящееся издали эхо, а через мгновение его речь звучала так отчётливо, будто собеседник находился совсем близко.

– А что же тогда важно? Это всё сон?

– *Не сон, Номер Один. Смерть...*

Раггиро показалось, что последние слова прозвучали

сквозь ухмылку. Гонщик хотел было что-то сказать, но осёкся. В голове вновь раздался голос из детства: «Вопрос в том, как ты к этому относишься...»

На этот раз Раггиро показалось, что отец над ним издевается.

– Как я к этому отношусь?! Я умер, папа! Я труп, размазанный внутри болида! С распоротым животом и пробитой головой!

Гонщик ощутил, как в нём закипает злость и, подобно бурлящей лаве, стремительно растекается по сознанию.

– Этого не должно было произойти! Я не могу вот так взять и умереть!

Ответа не последовало. Повисшая тишина была густой и осязаемой.

– Какого чёрта?! Я ещё должен жить! Я могу жить! И могу закончить этот турнир! У меня действительно отличные шансы на победу!

– *Это причина твоей смерти...*

– Да плевать я хотел на причины! Я слишком много сделал, чтобы выиграть эту гонку, и не собираюсь тормозить! Меня это не остановит! Ничто не остановит, даже смерть! – с раздражением парировал Раггиро. И затем уже более спокойно обратился к отцу, словно тот мог его слышать. – Ну, как тебе это, папа? Теперь ты доволен?

– *Ничто не остановит... Даже смерть...* – отозвался голос из черноты.

В действительности Номер Один понимал, что его возмущение вряд ли что-то изменит. В сущности, изменить вообще ничего нельзя. Порой лишь предоставляется шанс устранить последствия того, что уже случилось, или же просто скрыть их. Но прошлое нам неподвластно. А раз так, почему бы не дать выход гневу? В любом случае, самое ужасное, что могло произойти, свершилось.

– Даже смерть! – подтвердил Раггиро.

– *И что ты собираешься делать, Номер Один?*

Этот вопрос застал гонщика врасплох. Он не знал на него ответа. Внезапно ему стало безумно страшно. Возможно, оттого что в абсолютно чёрном, безграничном и пустом *Ничто* невидимый собеседник задал самый обыкновенный вопрос. И только тогда всё происходящее для Номера Один стало реальным. Он осознал, что действительно попал в аварию и погиб. Понял, что это смерть. Но не та метафизическая смерть, которую он себе представлял: ожидающая где-то в далёком-далёком будущем, которое, возможно, и вовсе не наступит. Это была не смерть в облике старухи с косой. Не в преисподней, означающей нескончаемые муки.

Сама по себе смерть вообще не казалась страшной. Она предстала в образе простого осознания. Осознания конца. Безысходного, неминуемого и... наступившего. Она пугала не тем, что произошло, а тем, что больше ничего не произойдёт.

– *Не обязательно так,* – возразил невидимый собесед-

ник. Он внимательно следил за каждой мыслью Раггиро. – *Это не обязательно конец...*

– А что тогда?

– *Зависит от того, чего ты хочешь, Номер Один...*

Раггиро показалось, что теперь незнакомец говорит голосом отца.

Голосом Сильвио Рокка, который оставил маленького Раггиро одного в большом мире с теми наставлениями, что успел передать.

«Жми на педали, сынок!» – тут же выкрикнул Сильвио Рокка из глубин сознания. Он словно пытался предостеречь сына. У Раггиро создалось впечатление, что отец хочет добавить ещё что-то, но мысли прервал голос незримого собеседника. Теперь он больше походил на детский.

– *Так чего ты хочешь, Номер Один?*

Гонщик задумался и ответил:

– Я хочу жить.

Номер два

Темнота, а точнее, похожая на смолу чернота, подбиралась со всех сторон. Сначала она осторожно, как пугливый зверёк, дотрагивалась до кончиков пальцев ног, но в следующий миг ринулась вперёд. Мир погрузился во мрак.

Он не мог двигаться и не был способен мыслить. Чернота застала его врасплох. Нахлынула без предупреждения и безжалостно затянула в свои вязкие, удушающие объятия. Всё привычное и в какой-то степени неизменное, что мы ощущаем в каждом мгновении, безвозвратно скрылось в тихих и мутных водах реки забвения.

– Приветствую тебя, Номер Два.

Слова появились из ниоткуда. Не прозвучали в черноте, а возникли в сознании и сложились в предложение.

Разум заработал: «Меня приветствуют. Значит, есть я. Я существую. И существует некто, приветствующий меня. Я – Номер Два. Вероятно, есть ещё кто-то. Иначе какой смысл давать мне номер? Два. Судя по всему второй».

Разум анализировал слова, возникшие в черноте. Он извлёк из них всю возможную информацию, и появились первые вопросы: «Где я? Как я здесь оказался?» Мысли Номера Два не остались без внимания. Ответ пришёл незамедлительно.

– Ты нигде. Ты мёртв.

Слова, как и в первый раз, возникли сами по себе. Разум Номера Два ухватился за них.

«Я мёртв. И теперь, после смерти, пребываю здесь, в черноте, где ничего нет. Я в *Нигде*... Я в *Ничто*, которое находится *Нигде*. Так, не это самое важное... Я умер, а значит, когда-то был живым...»

Разум Номера Два собрался с силами и обратился к памяти. Вначале она не отвечала, но вскоре в черноте что-то промелькнуло. Затем ещё, вновь и вновь. Всё чаще и чётче. Образы проявлялись, как фотоснимки, и сразу растворялись. Номер Два не мог понять, возникают эти воспоминания в глубинах его сознания или *Ничто* выставляет их на всеобщее обозрение. Однако это не имело значения, так как больше здесь никого не было.

Воспоминания оживали постепенно. Вначале появились совсем смутные образы, постепенно они становились отчётливее и ярче. Номер Два открывал для себя информацию, затаившуюся в недрах памяти.

«Я был живым организмом... На планете Земля... Да, всё верно. Я имел тело, мог передвигаться на двух нижних конечностях... Я помню кисти своих рук и пальцы. Один из них сильно отличался от остальных. Я был животным? Приматом?.. Я был... человеком!»

Это знание распахнуло тяжёлые шлюзы памяти, и воспоминания хлынули мощным потоком. По мере их прибывания разум восстанавливал утраченную информацию: имя,

пол, национальность, возраст, характер, профессию, интересы. Номер Два окунулся в пучину памяти и теперь изучал её содержимое. В ней сохранилось бесчисленное множество лиц, вещей, чувств и переживаний.

Перед Номером Два открылось окно. Хотя, правильнее сказать, зеркало. Только оно не имело границ ни в пространстве, ни во времени. Зеркало было бездонным и бесконечным, как само *Ничто*.

В зеркале возникли сотни, а то и тысячи отражений. Они выстроились в ряд. Номер Два видел младенцев, мальчиков, юношей, мужчин. И все они были одним и тем же человеком, имели одно имя. Разум напрягся...

Пауль Леманн!

Имя, которое он слышал на протяжении всей жизни. Как же часто оно звучало! В этот момент к Номеру Два пришло осознание важности этих двух слов. Того, как много это имя значит.

Пауль Леманн!

Номер Два ощутил, что имя ни в коем случае нельзя здесь произносить. Помнить – да. Говорить – нет. Что-то подсказывало это. Но что?

Пауль Леманн. Так его называли родители Штефан и Сабина Леманн. Номер Два тут же увидел их в зеркале. Оно удивительным образом отражало каждую его мысль. Пауль видел родителей такими, какими он их запомнил. Не молодыми и не старыми. Их внешность никогда для него не ме-

нялась. Они оставались одинаковыми всегда, с момента его рождения и до смерти каждого из них.

Затем в зеркале появилась его жена Урсула, ушедшая из жизни несколько лет назад. На её круглом лице была улыбка, а на щеках блестели капельки слёз то ли от радости, что она вновь видит мужа, то ли от печали, потому что он теперь тоже здесь.

Тем временем в зеркале замелькали комнаты, дома, улицы, парки, города, которые когда-либо посещал Пауль. Он мог поклясться, что зеркало не пропустило ни единого места на планете, в котором ему довелось побывать, включая переулки, подъезды и даже туалеты.

Память больше не была глубоким колодцем, дно которого скрывалось под непреодолимой толщей чёрной воды. Теперь она воспроизводила самые давние и даже сокровенные воспоминания. В зеркале возникали давным-давно забытые моменты жизни, которые, казалось, исчезли в глубинах подсознания.

Перед Паулем оживали люди. Огромное количество людей, что когда-либо ему встречались. Не только близкие и знаменитости. Бесчисленное множество незнакомцев, на которых случайно падал взгляд Номера Два, когда он шёл по улице или ехал в метро, сидел в самолёте или обедал в ресторане.

Пауль видел свой родной город Мюнхен. Людей, которые приходили в его жизнь и уходили. Теперь он отчётливо по-

нимал, кто оставался с ним с первых дней знакомства, а кто пропадал так же внезапно, как и появлялся. Он с интересом смотрел на них, в разные моменты приходящих в его жизнь. Пауля поразило количество людей. Как много тех, кого он забыл. Они появлялись в зеркале, смотрели на него и улыбались, а затем растворялись в черноте, уступая место следующим.

Номер Два думал, что от такого объёма информации его рассудок должен помутиться, но этого не происходило. Словно, освободившись от тела, Пауль обрёл сверхчеловеческие способности.

У Номера Два возникло ощущение, что вся его жизнь проходила как в тумане, будто он всё время был пьян. Причём настолько, что зачастую не мог вспомнить элементарных вещей. Например, куда он положил мобильный телефон или кому обещал перезвонить.

Теперь он вспомнил всё. Каждую вещь, которую он когда-либо видел или которой касался. Каждую мелочь, на которую случайно бросал взгляд. Он теперь точно знал, куда и зачем клал предметы. Номер Два помнил каждый телефонный разговор в мельчайших подробностях. Он помнил всё и всех. Каждое мгновение своей жизни. Каждую эмоцию. Каждое движение. Каждый вздох.

И вот память подошла к финальной точке. Номер Два увидел свою смерть. Сорок четыре года. Инсульт.

Все эти воспоминания пронеслись в сознании Номера

Два, и в гигантском зеркале осталось одно-единственное изображение... То, которое с самого начала не давало покоя. Вызывало холодное и липкое чувство тревоги. Небольшая искра волнения вспыхнула, пламенем испепеляя мысли. Все, кроме одной.

В зеркале Пауль видел своих детей. Детей, которые остались там, откуда он пришёл. Вернее, откуда его забрали. Или даже вырвали с корнем. Словно растение.

Йонас, Миа и Финн.

В зеркале за столом делал домашнее задание девятилетний мальчик с копной рыжих волос. Рядом на диване худенькая шестилетняя девочка играла с любимыми куклами, которых Пауль знал по именам. А на полу сидел четырехлетний ребёнок. Он улыбался и махал отцу рукой.

Они были здесь. Прямо перед ним. Так близко, что создавалось впечатление, будто до них можно дотянуться. Обнять и прижать к себе. Пауль попытался сделать движение в их сторону, но ничего не вышло. Номер Два почувствовал себя так, словно он оказался в музее. *Смотреть можно, но трогать воспрещается!*

Будто издеваясь, зеркало откликнулось на мысли Номера Два. Рядом с детьми появилась музейная табличка с надписью: «*Просьба экспонаты руками не трогать*». Дети продолжали заниматься своими делами. Маленький Финн по-прежнему радостно махал отцу рукой.

Если бы Номер Два обладал телом, он бы, наверное, по-

чувствовал, как учащается сердцебиение, на глазах выступают слёзы, а кисти сжимаются в кулаки. Если бы здесь была дверь, Пауль стал бы изо всех сил колотить по глухому деревянному полотну, чтобы вышибить её.

Но никакой двери в *Ничто* не существовало. А у Номера Два больше не было ни тела, ни имени, ни пола, ни национальности... Осталось лишь отчаяние. Тяжелое и неиссякаемое. Полное горечи и боли. Это было не просто отчаяние. Это были вопль и мольба, которые летели в бесконечной темноте *Ничто* и эхом раздавались в пустоте. И пустота ответила.

– *Чего ты хочешь, Номер Два?*

На этот раз голос прозвучал откуда-то со стороны. Невозможно было понять, кому он принадлежит: мужчине или женщине. Да и вообще, человеческий ли он. Голос был неживым. «Искусственный» – именно это слово пришло на ум Паулю.

– Мне нужно вернуться обратно!

– *Это невозможно.*

– Я нужен своим детям!

– ...

– Я должен! Должен вернуться!

– *Смерть есть смерть. После неё уже нет обязательств.*

– У меня есть! Кем бы вы ни были, помогите мне! Верните меня! Я умоляю!

Снова наступила тишина, хотя она никуда и не уходила,

ведь тишина извечно обитала в *Ничто*. Номер Два терпеливо ждал, когда чернота даст какой-либо ответ, но ничего не происходило. В это время в зеркале Миа бросила своих кукол и теперь вместе с Финном сидела на полу и собирала пазл. Старший брат, Йонас, наблюдал за их развлечением. Номер Два присмотрелся к пазлу. Все его кусочки были одинаково чёрными...

Номер три

Это походило на небольшое уличное представление. Словно все эти события кто-то тщательно спланировал.

Всё произошло быстро. Настолько быстро, что Болли Блом ничего не успел предпринять. Камень выскочил из-под ноги и умчался прочь в тот момент, когда пальцы ещё не успели найти опору. Надежда оставалась только на страховку, но она подвела. Болли словно в замедленной съёмке видел, как из кирпичной стены вылетел крюк и устремился вниз. За ним, извиваясь, словно змея, заскользила страховочная верёвка. Старая каменная кладка обвалилась, и поблизости не оказалось ни одного выступа, за который можно было бы ухватиться.

Болли показалось, что кто-то из всех сил дёрнул его за ноги. Внутренности сжались и превратились в одно пульсирующее от страха целое. В мгновение ока окружающий мир распался. Он потерял чёткие очертания, приняв образ абстрактной живописи. Холод пронзил живот и лёгкие, а сознание заполнил гулкий свист.

Подобно лавине обрушилась тишина. Навалилась всей своей мощью, заполнив пространство и время. Она была очень тёмная, густая, с еле различимым багровым оттенком.

Тело разлетелось на множество осколков. То же самое произошло и с мыслями. Разбитое и искалеченное сознание

очутилось в непроглядной тьме, которая оказалась липкой, вязкой и отдалённо напоминала желе.

Чернота поглотила всё, что хоть немного напоминало о существовании мира: звуки, запахи и цвета. В этом бесконечном чёрном пространстве не осталось ничего. Это уже даже нельзя было назвать пространством. Ибо это место, нигде не начинающееся и нигде не заканчивающееся, в сущности, являло собой абсолютное *Ничто*.

Разум попытался собрать осколки мыслей. Как осьминог, он раскинул во все стороны свои длинные щупальца и старался отыскать обрывки информации, чтобы соединить их. Разум работал изо всех сил, но безрезультатно. Все кусочки памяти канули в небытие.

Ничего не происходило. Стояла абсолютная тишина. Прошла минута, другая. Разум старался уловить течение времени, но не мог. Словно оно остановилось или исчезло вовсе. Разум не мог понять, как долго он уже здесь находится. Секунды, месяцы или столетия?

В какой-то момент черноту, словно метеориты, пронзили слова:

– *Приветствую тебя, Номер Три.*

Эти четыре слова что-то изменили. Они будто запустили неведомый механизм. Из-за него Ничто пришло в движение. Словно со словами в пустоту проникло время.

Разум с жадностью поглотил полученную информацию и стал её анализировать. Возник первый вопрос:

– Вы Бог?

– *Можешь называть как угодно, Номер Три...*

Голос, раздавшийся в уме, прозвучал отчётливо. Но что-то в нём настораживало. Он был неестественным... Будто каждое слово с трудом выдавливалась из себя гигантская змея, затаившаяся где-то поблизости.

Змея...

Было в этом что-то безумно знакомое. Знакомое и пугающее.

– Где я?

– *Нигде*, – ответила змея.

– Кто я?

– *Что тебя интересует? Вид? Пол? Раса?*

Речь невидимого собеседника вызывала страх, но разуму нужна была информация. Чтобы восстановить память, необходимо продолжать диалог, хотя инстинкты во всю мощь трубили, что делать этого ни в коем случае нельзя.

– Имя! Мне нужно знать моё имя!

– *Это можешь сказать только ты сам. Но пока рано его называть...*

Разум напрягся изо всех сил. «Имя... Болли Блом! Вот оно! Точка опоры... Но что означает “рано его называть”?»

Тем временем имя помогло оживить воспоминания. Они стали проноситься словно слайды. Вначале медленно. А затем всё быстрее.

Номер Три увидел свой дом. В нём ещё жили его родите-

ли, пока не умерли. Небольшой, двухэтажный, с просевшей черепицей и выцветшими стенами, по которым расползлась сеть трещин.

Значительное место в его воспоминаниях занимал Тронхейм. Город, в котором Номер Три родился. И в котором он умер.

Быстро и незаметно пронеслись воспоминания о школе, которую Болли Блом окончил с трудом. Первые выкуренные сигареты, поднятые руки одноклассников, укоризненные взгляды учителей.

Затем он увидел места, где он работал: складские помещения уступали место сторожевым будкам, кабины грузовиков – придорожным закуточным.

В одной из них Болли проработал дольше обычного. Он даже увидел людей, которых мог бы назвать друзьями. «Без горчицы, Болли! Слышишь? Никакой горчицы!»

Старые, давным-давно пережитые эмоции внезапно ожили. Номер Три вновь ощутил то разочарование, когда закуточную закрыли из-за каких-то нарушений. Тогда Болли опять пришлось искать работу.

Идеальным вариантом оказался ресторан быстрого питания. В нём Болли начал карьеру в роли уборщика, затем стал поваром, а в последние месяцы был повышен до кассира. «Спасибо, что без сдачи!»

Слайды побежали дальше. Болли не задержался надолго в «ресторанном бизнесе». Он решил искать себя в других сфе-

рах. Некоторое время работал грузчиком, затем курьером, а на пике своей карьеры стал строителем.

Воспоминания не просто восстанавливали хронологию событий – они возвращали опустошённому и обезличенному сознанию индивидуальность. словно на белом холсте начал проявляться образ человека. И чем больше Номер Три углублялся в воспоминания, тем отчётливее становился его портрет.

Болли был невысоким и крепким мужчиной с внушительным размахом плеч. Он выделялся непропорционально длинными и мускулистыми руками с толстыми массивными пальцами. Черты лица, грубые и несимметричные, были словно неумело высечены из камня скульптором-новичком. Значительно выступал вперед мощный квадратный подбородок, а небольшие раскосые глаза были посажены глубоко и далеко друг от друга. Из-за многочисленных драк нос сильно искривился, а высокий лоб украшала парочка тонких шрамов; их не могли скрыть коротко подстриженные светло-русые волосы.

«Против Блома нет приёма, если нет другого Блома», – шутили его приятели.

Длинные и запутанные лабиринты памяти, по которым блуждало сознание Номера Три, привели Болли к одному из воспоминаний.

Он очутился в баре, в котором прослыл завсегдатаем. Это был один из тех вечеров, когда Болли вначале молча пил пи-

во, а захмелев, влезал в чужие разговоры. Этот вечер Номер Три хорошо помнил ещё при жизни и время от времени мысленно к нему возвращался.

Когда очередная кружка пива подошла к концу, Болли Блом решил вступить в один из споров, который всю кипел рядом. Несколько посетителей обсуждали учебные заведения. Болли окликнул мужчин и начал излагать им свои мысли по этому поводу:

– Знаете, на самом деле плохо, когда есть это... высшее образование! Вот, допустим, выучился ты на кого-то... Ну, например, э-э... на юриста или там инженера. И всё! Ты либо юрист, либо инженер. И эти люди не знают ничего, кроме того, что, типа, выучили в институте. Этим они сами себя ограничивают. Их жизнь скучна и однообразна! Зато я вот могу заниматься чем угодно! Например, готовить. Я имею в виду не так, чтобы просто готовить дома яичницу, а по-настоящему! Я был поваром в ресторане...

Без горчицы, Болли! Слышишь? Никакой горчицы!

– Я и продавать могу! Любой товар! Вообще, продажи – это моё! В своё время я был довольно сильно в этом задействован! Да, задействован в этом бизнесе! И, надо сказать, у меня неплохо получалось!

Спасибо, что без сдачи!

Обычно такие посиделки заканчивались одинаково. Кто-нибудь из подвыпившей компании (обычно тот, кто первый раз видел Блома) начинал подшучивать над ним. И, когда до

Болли доходило, что над ним смеются, начиналась драка.

Надо отметить, дрался Болли Блом неплохо. И от этого у него часто возникали проблемы.

В тот вечер в баре оказался какой-то иностранец. То, что посетитель не местный, стало ясно, когда он делал заказ. Мужчина хоть и говорил на норвежском, но с сильным акцентом и ошибками.

Это отвлекло Болли от рассказа о своей профессии, и он решил заказать себе ещё пива. Мужчины, беседу которых он прервал, вздохнули с облегчением.

Иностранец выбрал тёмное пиво. Вроде бы «Гиннес». Когда бармен принёс кружку, мужчина одним долгим глотком осушил её и попросил повторить.

Гость оказался общительным. Сложно было понять, скзывалось ли выпитое пиво, или он был таким по жизни. За-всегдаи бара приняли его радушно. По большей части от-того, что им надоело слушать повторяющиеся изо дня в день истории друг друга.

Иностранец долго рассказывал, откуда он начал путеше-ствие и как оказался в Тронхейме. Болли не особо разбира-лся в географии, поэтому не понял, о какой стране говорил иностранец. Но слушал его внимательно. Что-то заинтересо-вало Болли в этом человеке.

На вопрос одного из посетителей, чем тот занимается, иностранец ответил, что раньше был священником. Это за-явление вызвало всеобщий интерес. Разговор перешёл на ре-

лигиозную тему. Так вышло, что посетители бара в подавляющем большинстве были людьми неверующими. И, как свойственно иным неверующим людям, они хотели убедить в своей правоте верующего.

– А что ты думаешь о первых людях? Об Адаме и Еве? Ты считаешь, что они существовали на самом деле? – спрашивали уже порядком захмелевшие мужчины, даже не стараясь скрывать улыбки.

Иностранец смотрел на них спокойно и отвечал с сильным акцентом, будто не замечая, что над ним подтрунивают:

– Существовать? О, да! Бог помещать Адама в саду и предупредить не есть плод Древа Познаний Добра и Зла, ибо в день, в который он вкусит этот плод, он будет умирать.

Акцент иностранца и его ошибки в простейших словах веселили слушателей ещё больше.

– Тогда Змей искушает Ева, – продолжал иностранец, игнорируя смешки, – чтобы она вкушать от древа. Но Ева говорить Змею, что сказать Бог. Змей отвечать ей, что она не умрёт. Змей говорить: «Ваши глаза должны быть открыты, и вы будете, как боги, знающие добро и зло». Ева ест плод и дать его Адаму. И он тоже ел. Бог всё узнать об этом. Чтобы предотвратить Адама и Еву от еды плод Древа Жизни и жить вечно, он изгонять их. Змей тоже наказан за участие в их падение: обречён вечно ползать на брюхе в пыли.

Некоторые завсегдатаи бара уже смеялись в голос, но иностранец по-прежнему сидел с невозмутимым видом, как буд-

то он рассказывал анекдоты и ждал именно такой реакции публики.

Болли поразило услышанное. Его семья не была религиозной. Сам Болли, хоть и допускал существование некоего Бога, но никогда не интересовался этим всерьёз. Слушая иностранца, он понял, что ни разу в жизни не задумывался о появлении мира и первых людях. Его кругозор ограничивался настоящим и только им. И вот непонятно откуда появляется человек в одном из тысяч баров большого города Тронхейма и поднимает такие необычные для этих мест темы. И это происходит не в каком-нибудь популярном, полном богатых туристов заведении, а именно в том баре, в который очень редко заходят чужаки. В баре с неприметной вывеской, на окраине города. В баре, где по вечерам Болли Блом пьёт холодное пиво.

Болли внимательно вслушивался в тяжёлую для восприятия, корявую речь иностранца. Пытался не упустить ни единого слова. Он сконцентрировался настолько, насколько для него это вообще было возможно. Болли не слышал смеха, что раздавался со всех сторон до тех пор, пока иностранец не замолчал. Гость не подавал вида, что его расстроила реакция слушателей, но Болли понял, чем вызвана пауза в рассказе.

Блом развернулся к бородатому соседу, гоготавшему во всё горло у него над ухом, и отвесил ему мощную затрещину. Удар был настолько сильный, что бородач с грохотом свалился со стула вместе с кружкой пива. Раздался звон быюще-

гося стекла. Во все стороны полетели толстые осколки. Пиво, пенясь, растеклось по дощатому полу.

– А ну, все заткнулись! Что вы услышали такого смешного?! – прорычал Блом, слезая с высокого барного стула. Он показательно размял увесистые кулаки, пощёлкивая суставами.

Воцарилась тишина.

Свалившийся со стула бородач вскочил на ноги. Его распухшее от алкоголя лицо покрылось багровыми пятнами, а глаза, подобно глазам быка, налились кровью. Несколько секунд он озирался, пытаясь понять, что произошло. Затем взгляд бородача остановился на Болли, и он двинулся в его сторону. Все, включая иностранца, замерли, наблюдая за происходящим. Через пару шагов бородач остановился. По-видимому, он рассчитывал, что кто-нибудь из посетителей попытается его остановить, дабы предотвратить драку. Но, судя по лицам, никто и не думал этого делать. А драться с полоумным Бломом было абсолютным безумием. Бородач постоял, переминаясь с ноги на ногу, после чего нервно схватил пальто и, ни на кого не глядя, покинул заведение.

Дверь захлопнулась, и бар вновь ожил. Все сделали вид, что ничего не произошло. Над рассказчиком уже больше никто не смеялся.

Болли подошёл к иностранцу и сел на соседний стул:

– Я не очень понял. Выходит, это... если, типа, змеи ползают по земле из-за того, что они наказаны, то раньше они

могли ходить?

Иностранец посмотрел на Болли, затем перевёл взгляд на кружку пива. Сделал большой глоток и вновь поднял глаза на собеседника. По его лицу сложно было понять, о чём он думает. Но Болли показалось, что иностранец обрадовался проявленному интересу.

– Нахаш, – тихо произнёс иностранец, так, чтобы его мог слышать только Болли. – Такое еврейское слово. Его использовать для идентификация Змея, который появляться в книге Бытия в Эдемский сад. Змей – обманчивый существо, который способствует делать то, что запретил Бог, и проявлять особый хитрость в Его обмане. Змей обладает способностью говорить. Змей хитрее всех, кого создал Господь. Хоть в Книга Бытия и нет указаний, что Змей мог ходить на двух ногах, всё же так следует понимать.

После той встречи с иностранцем Болли часто мучили странные сны. Он видел в них белое дерево, огромного Змея, стоящего рядом на человеческих ногах, и лежащую под деревом Еву, вокруг которой разбросаны гнилые яблоки и покрытые плесенью хот-доги. Он не чувствовал во сне запаха, но был уверен, что протухшие хот-доги страшно смердят, заполняя ужасным зловонием райские кущи.

Тебе же говорили, без горчицы, Болли! Никакой горчицы!

В этих снах Змей всегда молчал. Но Болли догадывался, каким может быть его голос.

И вот что-то происходит... Вроде, это было падение. И

кто-то начинает говорить с ним змеиным голосом, которого он ни разу не слышал. Может, это и есть Нахаш – древний Змей, описанный в Книге Бытия? Та самая змея с потёртым землей и камнями брюхом, что обречена вечно ползать в пыли?

Неожиданно его воспоминания прервала мысль: «Я мёртв».

Спасибо, что без сдачи...

Стояла тишина. Ничего не происходило. Только осторожно и медленно, словно иссякающий ручеёк, текло время, недоумевающее, как и зачем оно оказалось в этом странном и зловещем месте.

«Как жаль, что поблизости нет иностранца, – подумал Болли. – Вероятно, он бы смог объяснить, что происходит».

– Что именно тебе не ясно?

Номер Три не хотел отвечать. Он всё ещё представлял, что рядом с ним затаилась невиданных размеров змея, которая может в любой момент наброситься на него и сожрать. И это зависит от того, ответит он ей или нет.

«Молчать. Нужно молчать!» – убеждал себя Болли. Но змея и не настаивала на ответе. Нахаш молчал. А Болли Блом думал о жизни. Он ещё не был готов окончательно расстаться с ней. Какая-никакая, а она ему нравилась. Но он боялся, что Змей попытается обмануть его, как когда-то обманул Еву. Он в мельчайших деталях помнил рассказ иностранца о Змее, который лишил людей Рая. О хитром и гнусном Змее

по имени Нахаш.

– *Хорошо, Номер Три. Ты сделал свой выбор...*

Эти слова внушили Болли настоящий ужас. Он подумал, что останется один, навечно заточённый в черноте. И, быть может, он упускает единственный шанс выбраться отсюда. Маловероятный, но всё же шанс. Тем более сейчас он явно был не в Раю, которого ещё при жизни так страшился лишиться. Терять, по сути, было совершенно нечего. Возможно, у него, действительно, есть выбор. Болли совсем запутался. Он не знал, какое решение является правильным. Сейчас или никогда.

– Подожди!

Номер четыре

Пьянящий запах джунглей таил в себе что-то необыкновенное. Нечто более нигде недоступное. Осунувшиеся, сторбленные под тяжестью массивных крон деревья от самых корней были укутаны десятками различных вьюнов. Они напоминали застывшие в случайных позах человеческие фигуры, облепленные листвой и мхом.

Проводник Зайна Мбиа вдыхала наполненный тысячами ароматов влажный воздух тропического леса и думала о том, как приятно вновь оказаться в родной стихии.

Группа из восьми человек медленно пробиралась сквозь густые заросли. Люди наслаждались каждым мгновением в этом диком и таинственном месте.

Туристы с интересом рассматривали вечнозелёные растения с цветами и крупными листьями. Их тонкие ветви изящно переплетались между собой и ниспадали к земле вместе с лианами, обвивая деревья, покрытые густым ярко-зелёным лишайником.

Стрекот насекомых, звонкие трели птиц, далёкое рычание зверей, шелест листвы и множество других звуков сливались в единую, нескончаемую и прекрасную музыку – симфонию джунглей. Создавалось впечатление, будто есть некто, управляющий мощным звучанием этого оркестра, – невидимый дирижёр из лиан и древесной коры, держащий в руках сте-

бель цветка баобаба.

Стройная и гибкая девушка-проводник легко преодолевала препятствия на пути, а затем помогала туристам. Зайне нравилось, что, в отличие от других экскурсий, в джунглях не приходилось много говорить. Тишина нарушалась только редкими вопросами: «Что это такое?» или «Оно опасное?» Остальное время туристы наслаждались путешествием молча.

Сегодня группа состояла из восьми человек, и это казалось Зайне странным. Обычно было десять: в целях защиты животных закон Уганды запрещал туристические походы по джунглям в большем составе. Спрос на экскурсии был высоким, и туристические компании всегда формировали максимальные по численности группы: семь гостей и три проводника (гид и два охранника). Сегодня же туристов было только пять.

Шум воды отвлек Зайну от мыслей. Проводник объявила, что впереди группу ждёт первая остановка.

Это место не случайно использовалось для привала. Ярко-голубая вода, искрясь на солнце, скатывалась по большим коричневым валунам, поросшим зеленью, и падала в наполненное булыжниками неглубокое озеро. Камни выглядывали над поверхностью воды, словно кочки.

В тот день над озером расстился лёгкий туман. Плескались светло-зелёные лягушки, вокруг водоёма собралось множество птиц. Среди них можно было увидеть больших

синих турако с забавным хохолком на голове в виде веера, белоснежных цапель с остроконечными клювами, бакланов, марабу, ибисов и других африканских птиц.

«Восемь...» – продолжала размышлять Зайна. Сидя на берегу озера, она разглядывала в воде своё отражение. Девушка распустила длинные чёрные волосы, а затем вновь собрала их в тугий хвост. На душе вдруг стало тоскливо непонятно почему. Зайна закрыла глаза, стала вспоминать события своей жизни, пытаясь ощутить, какие из них вызывают у неё беспокойство, но так и не нашла причину.

Девушка смотрела на воду и вдруг у подошвы своего сапога заметила цветок, похожий на колокольчик. Аккуратно сорвав его тонкими пальцами, проводник провела нежными лепестками по губам, поднесла к носу и вдохнула аромат.

«Восемь», – вновь подумала Зайна.

С детства её увлекали числа и их значения. Как-то ей довелось прочесть одну книгу. В ней обсуждалась гипотеза, которая возникла ещё во времена Пифагора. В основу гипотезы была положена мысль, что числа имеют тесную связь с действительностью. А действительность может выражаться через цифры, имеющие определённое значение.

Так Зайна надолго и всерьёз увлеклась нумерологией. Но, достаточно углубившись в изыскания о цифрах, она отвергла это учение. Причиной стали не столько разного рода доказательства, указывающие на то, что нумерология – лженаука, сколько явные несоответствия теории и жизни.

При этом у Зайны сложилось собственное мнение о числах и их значениях. Она верила, что случайности не могут быть случайными. Проводник всегда крайне внимательно относилась к знамениям и к своей интуиции. Зайна на собственном опыте убедилась, что действительность и в самом деле может выражаться через числа. А порой только это и делает.

Зайна не была религиозной, но при этом верила в существование силы, что оказывает влияние на её жизнь. Проводник не могла до конца понять, как это работает. Также она не понимала природы своих талантов, одним из которых была удивительная способность ориентироваться на местности.

Когда-то ещё ребёнком Зайна оказалась в джунглях Уганды совсем одна. Родители взяли её с собой, чтобы дочь полюбилась природой, и девочка потерялась. Зайна лишь помнила, что мама и папа были рядом, но в следующее мгновение её уже окружали только чёрные стволы деревьев. Девочка подумала, что никогда не выберется из чащобы. Мама рассказывала ей ужасные истории об исчезновении детей в джунглях. Зайна знала, что, как только стемнеет, на охоту выйдут хищники. Огни страшных глаз неведомых животных, казалось, уже преследовали её, но звери пока не решались напасть.

Девочка долго звала родителей. Но джунгли заглушали её крики своим непрекращающимся концертом.

Тогда маленькая Зайна закрыла глаза. Она уже готовилась

к страшной смерти, но вдруг ощутила странное спокойствие. Девочка поняла, что знает, куда идти. Её родители были совсем близко. Зайне показалось, что она слышит их голоса, как они в отчаянии ищут её и зовут. Ветви кустарников и деревьев расступались перед ней, словно указывая путь.

Зайна так и не поняла, как она нашла родителей. С тех пор её не покидало чувство, что она часть огромного тропического леса. Став проводником, Зайна всегда с абсолютной точностью выбирала необходимое направление и ни разу не ошибалась. Коллеги говорили, что у неё в голове компас, стрелка которого указывает ей путь даже в самых далёких уголках джунглей.

Привал закончился, и группа вновь нырнула в дебри тропического леса. Заросли стали гуще. Солнечный свет с трудом пробивался сквозь плотную листву.

Зайна ловко пролезла под стволом свалившегося дерева и не заметила, как ей на спину *что-то* упало. Она выпрямилась и стала помогать туристам преодолевать препятствие.

«Восемь», – число всё крутилось у неё в голове, как приевшаяся песня.

Проводник вспоминала все значения, с которыми могла быть связана эта цифра. Перевернутый символ бесконечности. Количество планет в Солнечной системе. Восемь лап...

– Паук!

Зайна обернулась и увидела круглые от ужаса глаза мужчины. Его дрожащий палец указывал на неё. Проводник по-

вернула голову, и тут что-то острое, твёрдое и смертоносное вонзилось в шею. Тело выгнулось от пронзающей боли.

Зайна хотела закричать, но из груди вырвался лишь тихий стон. Огонь забрался под кожу и начал растекаться по телу. Сердце сильно забило, и Зайна опустилась на землю.

Туристы запаниковали и стали оглядываться в поисках ещё возможной угрозы. Они о чём-то обеспокоенно говорили на непонятном языке и постоянно перебивали друг друга.

Мужчины-проводники подбежали к Зайне. Их рты открывались, но Зайна ничего не слышала.

Мир расплывался перед глазами. Единственное, что видела проводник, как её убийца медленно забирается на то же самое место, откуда совершил нападение. Восемь тонких лап поочередно цеплялись за кору дерева, поднимая толстое брюхо, заполненное огнём смерти.

На месте укуса образовалась шишка. Она пульсировала. Боль становилась сильнее, а тело будто наполнилось углями, раздуваемыми порывами ветра. Одежда насквозь промокла от пота.

Зайна провела ладонью по глазам, стремительно теряющим зрение. Туристов уже не было. С ней остался только один из проводников.

– Зайна! Зайна! Ты как? Вот вода. Пей. Тебе нужно как можно больше пить! И не двигайся! Скоро мы отнесём тебя в машину!

Зайна взяла протянутую бутылку. Сделала глоток воды,

но её тут же стошнило.

– Он хочет есть, – прошептала в бреду Зайна. – Он всегда голоден...

Её голова упала на землю, тело забилося в судорогах, началась агония. Стройная фигура и небольшой вес, которыми Зайна гордилась, теперь обернулись против неё. Пульсирующая, обжигающая боль распространилась с шеи по всему телу. Пальцы сжались в последней попытке ухватиться за жизнь.

Восемь.

Вот о чём её пытались предупредить, но она не поняла.

Роковое число, таящее в себе смерть под видом бесконечности.

Лёжа на земле, Зайна смотрела перед собой и наблюдала, как лучи солнца пытаются пробиться сквозь густые заросли. Как ветер качает кроны деревьев, и птицы перелетают с ветки на ветку. И это было последнее, что она видела, хотя её глаза так и остались широко открытыми.

* * *

Удивительная, необъяснимая способность Зайны ориентироваться в пространстве впервые подвела её. Невзирая на непроглядную тьму, окутавшую джунгли, проводник продолжала движение. Она пыталась найти нужное направление. Или, скорее, почувствовать. Но у неё ничего не получа-

лось. Её рассудок полностью захватил страх.

Впервые в жизни Зайна оказалась абсолютно дезориентирована. Она испытала то же самое чувство отчаяния, как тогда, в детстве, когда осталась в джунглях совсем одна. Проводник боялась, что верное шестое чувство погибло вместе с укусом паука. Голова шла кругом! Все ощущения спутались. Зайне казалось, что она бежит по узкому мосту, подвешенному над пропастью, и рискует в любой момент сорваться. Но если она прекратит движение, то падение неизбежно.

Зайна пыталась понять, по какой причине её могли оставить одну в джунглях в бессознательном состоянии. Почему коллеги бросили её и не вернулись? Волнение, граничащее с отчаянием, не давало думать.

Одно проводник знала наверняка. Ей нужно найти путь *обратно*. Но всё-таки что-то было не так... Зайна никак не могла понять, сколько сейчас времени. Её внутренние часы дали сбой, а стрелка воображаемого компаса исчезла вовсе.

Зайна бросила попытку что-либо разглядеть. Ей было страшно и холодно. Проводник не узнавала эти места. Это были не те джунгли. Не её джунгли.

Только сейчас Зайна осознала, что до сих пор она не уловила ни единого звука: ни пения птиц, ни стрекота насекомых, ни даже шуршания листвы под ногами.

Зайной окончательно овладел ужас. Она начинала осознавать, что из этого места, где бы она сейчас ни находилась, выхода нет. Видимо, ядовитое жало восьминогой твари от-

правило её слишком далеко. Настолько, что *обратного* пути уже нет.

«Но я же жива...»

В этот момент Зайна услышала Голос.

Голос, которому никогда и ни при каких обстоятельствах не следует отвечать, – шёпот коварного незнакомца, убеждающего ребёнка открыть дверь.

Утраченное шестое чувство на мгновение вернулось. Оно немислимым образом прорвалось из мира живых, чтобы в последний раз помочь своей хозяйке. Предостеречь её, прежде чем окончательно сгинуть. Оно возопило что есть мочи и бессильно кануло в бездну, поверженное чьей-то могучей волей. Но теперь проводник знала – Голос пришёл за ней. И она в опасности. Она в страшной опасности.

Тем временем Голос повторил:

– *Приветствую тебя, Номер Четыре.*

«Не отвечать, не отвечать».

Зайна не могла найти иного выхода из ситуации. У неё не осталось других средств защиты, кроме как...

– *Приветствую тебя, Номер Четыре.*

«Не отвечать, нельзя отвечать».

У Зайны отняли всё. Жизнь, тело, даже её интуицию. Остался лишь страх. Ощущение огромной опасности. Но Голосу, она понимала, необходимо сожрать всё до последней крошки.

Он всегда голоден...

– *Приветствую тебя, Номер Четыре.*

«Что угодно... только не отвечать. Не отвечать...»

Но она ответила.

Не сразу...

Прошло время. Много времени. Очень много: столько, что Зайна уже начала забывать, по какой причине твердит одни и те же слова. И, когда время и пространство стали для неё единым целым, а движение и состояние покоя перестали иметь различие; в тот момент, когда чернота представилась Зайне чем-то обыденным, привычным и абсолютно нормальным, а память утратила даже малейшее представление о том, что с ней было, и о чём бы то ни было, вновь прозвучал Голос:

– *Приветствую тебя, Номер Четыре...*

Номер пять

На подходе к заброшенному поселению рав-серен¹ Армии обороны Израиля Хаим Кац передал по радиации, что необходимо снизить скорость и продвигаться крайне осторожно. По последним разведанным, где-то здесь находятся туннели террора, пролегающие глубоко под землёй, – сеть бункеров и коридоров, по которым незаметно передвигаются террористы. Задачей отряда Хаима Каца было найти такие туннели и уничтожить их.

Хаим жестами показал солдатам занять боевые позиции. Сам укрылся за полуразвалившейся каменной стеной, которая осталась от некогда жилого здания. Рав-серен проверил оружие. Убедившись, что оно находится в боеспособном состоянии, спецназовец перетянул штурмовую винтовку тавёр со спины на грудь. Сняв автомат с предохранителя, Хаим двинулся вперёд.

Хаима окружали занесённые песком руины. Здесь и на много миль вокруг на поверхности не осталось практически ничего живого: лишь редкие кустарники, несколько видов особо ядовитых скорпионов и их добыча.

Всё было спокойно.

¹ Рав-серен – воинское звание военнослужащих сверхсрочной службы Армии обороны Израиля. В современной армии Российской Федерации соответствует воинскому званию «майор».

Отряд во главе с командиром рав-сереном Кацем, который исполином возвышался над остальными, миновал бывшее поселение. Перед военными вновь простиралась голая пустыня: одинокая и бесконечная, обрывающаяся лишь у линии горизонта.

Хаим ощутил тревогу. В голове заработал древний механизм – чутьё, доставшееся ему в наследство, по мнению военного, от неандертальцев, которым оно было необходимо для выживания в диком мире.

Рав-серен не мог с точностью определить, что именно вызвало ощущение беспокойства, но чутью он привык доверять. Не теряя времени на сомнения и раздумья, Хаим жестами указал отряду занять позиции. Спецназовцы моментально стали искать укрытие среди руин. Рав-серен бросился к ближайшей стене. Как только его тело скрылось за каменной кладкой, раздались выстрелы.

Интуиция вновь не подвела, но времени гордиться этим не было.

Зашипела рация, Хаим схватил её и поднёс к уху.

– Глыба, приём! Говорит Опоссум! Как слышно?

Рав-серен подтвердил связь.

– Хамасские крысы устроили засаду! – проскрипел голос друга из рации. – Видно, ждали, пока мы пройдем. Суки! Чтоб их... Всегда нападают со спины. Путь к отступлению отрезан! Связь с базой отсутствует...

«Вот тебе и интуиция», – подумал Глыба и усмехнулся.

Только в этом смешке не было ни единого намёка на веселье. По всей видимости, он и семеро его боевых товарищей уже никогда не выберутся из этого места и станут новыми жителями этого славного города мёртвых.

– Приём, говорит Глыба! Как слышно? Отзовитесь каждый!

Из радиии стали по очереди доноситься голоса. Когда все члены отряда откликнулись, Хаим продолжил.

– Туннели террора точно где-то здесь, иначе нас не смогли бы атаковать сзади. Начинаем зачистку территории. Задача – найти и уничтожить туннели. И... не подставляйтесь!

– Не переживай, брат, – ответил через рацию Опоссум. – Нас точно никто не грохнет. С этим можем справиться только мы сами!

– Не занимать волну! – отчеканил рав-серен, но улыбка тронула его лицо.

Тем временем звуки выстрелов становились всё чаще и громче: боевики приближались. Рав-серен услышал, как несколько пуль попали в стену, служащую ему укрытием.

Хаим закрыл глаза и глубоко вздохнул. «*Восемь, семь, шесть*», – шёпотом начал считать Глыба. На счёт «один» рав-серен вступил в бой.

* * *

Хаим Кац не мог точно сказать, сколько времени длилась

перестрелка. В какой-то момент всё резко стихло. Хаим выглянул из укрытия. Никого. Встретившись взглядом с Опо-ссумом, Глыба увидел, что тот даёт сигнал – впереди чисто.

Короткими перебежками, прикрывая друг друга, отряд продвигался в глубь разрушенного городка. По пути рав-серен видел растянувшиеся на земле тела террористов. Хаим подумал, что каждое его появление знаменуется смертью.

В какой-то мере рав-серен был прав. Смерть уже давно нашла себе убежище внутри могучего тела человека-гиганта. Она выглядывала из его глаз, вылетала из дула его автомата, пряталась в раковых клетках, о которых Хаим пока и не подозревал.

Смерть ещё при жизни одарила своего избранника тем, что остальные получают лишь на закате дней: болью и одиночеством. Хаим служил в армии не из-за того, что испытывал патриотические порывы или чувство долга перед своей страной. Всё это было чуждо Хаиму, как и вообще любое состояние привязанности. С детства он не был сильно зависим от родителей. Он не был женат и никогда никого не любил по-настоящему, по крайней мере, в границах его представлений об этом чувстве. Хаим легко сходилась и расставался с друзьями... Если он вообще мог так называть тех людей.

Единственными близкими для него становились сослуживцы. Но и их жизнь уносила в разные стороны подобно тому, как ветер разносит по земле сухие листья. А смерть тем временем через глаза своего носителя отмечала суженых и,

когда наступало время, уводила их в свои тихие и мрачные покои. Хаим узнавал об этом по-разному. Иногда видел лица умерших друзей в новостях. Порой ему приходили печальные письма. Несколько раз звонили общие друзья. А спустя время он и их имена встречал в некрологах.

Смерть уже давно заняла просторные апартаменты в душе великана. Он чувствовал это, но не страшился. Безразличие, с которым Хаим воспринимал смерть, обесцветило его глаза, губы и волосы, придало коже серый оттенок и сделало её грубой, толстой и шершавой.

Хаим был очень большой, но очень мало места занимал в человеческих сердцах. В свою очередь рав-серена это особо не беспокоило. Он использовал свою жизнь как умел и традил её на то, что считал правильным. Военное ремесло было ему по вкусу. Хаим иногда задумывался, что, вероятно, он родился слишком поздно. Его время ушло вместе с рыцарями, копьями, лошадьми и доспехами.

Возможно, он – древний исполин, заброшенный по ошибке в будущее, где, на его беду, главенствует не сила, а разум. Будущее настолько далёкое, что палицы и каменные топоры сменились ракетами и пулемётами. Его великая мощь и непревзойдённая сила, руки, способные разорвать пасть саблезубому тигру, не имеют никакого значения в мире, где один атом может уничтожить город, а нажатие кнопки – планету. Архаический великан в эпоху нанотехнологий, субатомных частиц, микропроцессоров и сверхзвуковых скоро-

стей выглядит так же нелепо, как гризли на велосипеде посреди цирковой арены.

Единственное место, где Хаим Кац видел сам себя, — здесь. Посреди голого раскалённого песка, простирающегося на многие мили. Под неиссякаемыми лучами далёкой, но такой горячей звезды. Окружёнными руинами и засадами террористов. С автоматом в руках и ощущением приближающейся смерти. На рубеже тысячелетий: недостижимого и непостижимого для него будущего и такого знакомого и желанного первобытного, жестокого времени.

* * *

Вновь раздались выстрелы. Спецназовцы заняли боевые позиции и открыли ответный огонь.

В одном из домов Хаим заметил промелькнувший человеческий силуэт. Приглядевшись, рав-серен отметил, что это здание сохранилось лучше остальных: лишь одна стена немного пострадала. Она обрушилась в том месте, где, по всей видимости, когда-то находилась дверь. Чутьё подсказывало, что именно там один из входов в туннели террора.

Через мгновение спецназовец оказался у здания. Кац потянулся к гранате, но остановился. Если произойдёт взрыв, наверняка вход будет завален, но сам туннель не уничтожен. Рав-серен вскинул винтовку и зашёл внутрь.

Боевик, оказавшийся ближе всего, отлетел к противополо-

ложной стене, прошитый пулями. Загрохотали ответные выстрелы. Хаим укрылся за каменным выступом и стрелял короткими очередями, стараясь не высовываться. Патронов для тавора оставалось немного. Пули боевиков свистели со всех сторон.

Хаим вышел из укрытия навстречу нападающим и, словно кеглю, ударом ноги сбил ближайшего боевика. Террорист отлетел назад и при падении повалил ещё двух. Рав-серен вскинул тавор и выпустил последние патроны.

Из-за угла возник ещё один боевик. Дуло его автомата уткнулось в грудь Хаима. Но, прежде чем террорист успел нажать на спусковой крючок, спецназовец молниеносным движением вырвал оружие из его рук. Схватив боевика за ворот, Глыба нанёс удар головой. Тело террориста обмякло и повисло на руке рав-серена.

Удерживая бесчувственного боевика, Глыба выставил его перед собой в качестве щита. Используя плечо террориста как опору для его же автомата, Хаим двинулся внутрь дома.

Спецназовцу потребовалось около трёх минут, чтобы полностью зачистить здание. После этого Хаим тщательно обыскал помещение и убедился, что в живых никого не осталось. Рав-серен попытался связаться со своим отрядом, но никто ему не ответил...

Из рации раздавались только помехи.

Хаим прислушался. Снаружи тихо. Ни единого выстрела. Это означало лишь одно: его друзей нет в живых.

На мгновение Хаима сковал приступ страха, вернее, ужаса от осознания происходящего. Ледяные нити отчаяния расползлись по внутренностям, они заморозили лёгкие и не пропускали воздух.

Не осознавая, что делает, Хаим упал на колени. Если бы в это мгновение появились боевики, им бы не составило труда его прикончить.

«Какой ценой...» – по телу побежали мурашки. Ледяные нити в лёгких переплелись и образовали ком, заполнивший всю грудную клетку.

Его друзей больше нет...

Семь жизней канули в небытие. Растворились, словно мираж в песчаных просторах равнодушной пустыни.

Хаим тряхнул головой. Этим движением он каждый раз пытался отогнать мысли, терзавшие его. Так и сейчас: уничтожен целый отряд, но достаточно тряхнуть головой, и всё становится как прежде. Почти как прежде. Мысли разбиваются вдребезги о толстенную черепную коробку и вытекают через громадные уши человека-гиганта.

Хаим поднялся и со всей силы пнул тело одного из убитых боевиков. Труп прокатился несколько метров и ударился о стену, поднимая в воздух клубы пыли.

Осмотрев помещение, рав-серен нашёл в полу вход в туннель.

Спускаться пришлось недолго. Когда ступеньки закончились, Хаим огляделся. Тусклый свет пробивался из отвер-

ствия, через которое рав-серен проник внутрь, и лишь слабо освещал бетонные стены. Сухой спёртый воздух раздражал ноздри. Потолок был не очень высоким, но достаточным, чтобы великан Хаим мог стоять в полный рост.

Взрывчатку нужно было установить в местах пересечения коридоров.

Хаим выкинул автомат террориста, достал фонарь и побегал по туннелю.

Вскоре рав-серен наткнулся на первую развилку. Перед ним возникли ещё три туннеля. Прикрепив к стене взрывчатку, рав-серен нырнул в один из проходов. Вскоре Хаим обнаружил очередное пересечение, где также установил всё необходимое для его уничтожения.

В какой-то момент послышался звук шагов. Кто-то приближался. Скорее всего, не один. Заметив ответвление от основного туннеля, Хаим свернул туда и прижался к стене. Рав-серен выключил фонарик, достал пистолет, сменил обойму и затаил дыхание.

Шаги становились всё громче. Судя по всему, боевиков было не больше пяти. Вскоре на стенах туннеля заиграл свет фонаря.

Дождавшись, когда боевики подойдут как можно ближе, Хаим шагнул из укрытия тихо и быстро, что казалось невозможным для человека его габаритов. Перед ним оказалось пятеро мужчин.

Боевики так и не поняли, что произошло. Свет их фонаря

внезапно исчез, словно они уткнулись в глухую стену, которой только что здесь не было.

Раздался грохот. Затылок идущего первым боевика взорвался, выпустив фонтан крови. Звук выстрела, отражаясь от стен, разлетелся по всем туннелям. В свете упавшего на пол фонаря Хаим увидел террориста позади убитого. Он в недоумении стирал кровь товарища со своего лица и с ужасом смотрел на рав-серена. Боевик даже не сопротивлялся, когда спецназовец схватил его за голову и с размаху расколол череп о бетонную плиту.

Следующий кинулся на Хаима, но рав-серен без труда перехватил его удар. Вывернув руку боевика, Глыба надавил ладонью на внешнюю сторону локтя. Кость хрустнула, и её окровавленный обломок, разорвав одежду, выскочил наружу. Террорист испустил вопль и, задыхаясь от боли, рухнул на колени. Хаим почувствовал удовлетворение.

Четвёртый боевик к тому времени успел выхватить из-за спины автомат. Он уже отводил затвор, но рав-серен точным ударом ноги выбил оружие из его рук. Ещё одна молниеносная атака, и костяшки пальцев врезались в кадык противника. Издавая хрипящие звуки, боевик повалился на землю.

Последний попытался бежать, но Хаим схватил его за шиворот и бросил к ногам. Рав-серен наступил террористу на горло и надавил на него всем своим весом.

Добив всех, кто подавал признаки жизни, Хаим направился дальше.

Выстрелы не могли остаться неуслышанными. Рав-серен понимал, что вскоре здесь соберётся целая стая хамасских крыс. Это только вопрос времени. Нужно успеть закрепить как можно больше взрывчатки.

Он оказался прав. Через несколько минут вновь послышались шаги. Боевики приближались отовсюду. И на этот раз они были готовы к нападению. А Хаим Кац был готов умереть.

Террористы напали разом со всех сторон. Рав-серен в этот момент оказался в одном из пересечений коридоров. Хаим нашёл неплохое укрытие за обвалившейся бетонной плитой, где его не смогли бы сразу достать. Но и это был лишь вопрос времени. Началась перестрелка. Звуки выстрелов заполнили пространство.

Пули пролетали совсем близко, некоторые, подобно клещам, вгрызались в руки и ноги. В крови бурлил адреналин, из-за чего рав-серен не чувствовал боли. Патроны подошли к концу. Хаим отбросил пистолет в сторону. Оставалось лишь гадать, сколько боевиков он смог ликвидировать.

Хаим подумал о таворе. Сейчас автомат оказался бы очень кстати. Но он сделал своё дело и теперь лежал где-то там, среди мёртвых тел боевиков. И, когда здесь всё взлетит на воздух, тавор постигнет судьба семей фараонов: он будет навеки погребён там же, где и его хозяин.

«Пора», – подумал рав-серен, вытащил детонатор и нажал на красную кнопку.

Красная кнопка – так уж заведено.

Время остановилось. Вечность сжалась до одного мгновения, в котором ничего не происходило. Но вскоре оно подошло к концу. И тишина навсегда покинула эти места, канула в бурлящую пучину невозвратного, но всегда остающегося в чьей-то памяти прошлого.

Землю и воздух сотряс взрыв. Затем второй. И практически одновременно третий и четвёртый. Стены туннеля задрожали и покрылись трещинами.

Уши заложило, а в ноздри ударил горячий воздух с частицами пыли и песка. Рав-серен увидел свет. Он был очень ярким и стермительно приближался. Огненный шар с невообразимой лёгкостью поднял гигантское тело военного, пронёс сквозь туннель и ударил о стену.

Хаим почувствовал, как огонь обволакивает его, как начинает плавиться кожа. Запахло горелой плотью. На мгновение стало темно и тихо. Глыба ничего не чувствовал. В это короткое мгновение не осталось ни боли, ни жара.

«Видимо, это смерть, – подумал Хаим. – А ведь не так уж и страшно...»

Мысль Хаима оборвалась, словно лопнувшая струна. Прямо над ухом раздался треск, за ним грохот. По стенам, словно полчища маленьких паучков, во все стороны побежали трещины, образуя рисунок, похожий на паутину. С потолка сыпался песок, а затем полетели камни. Туннель обваливался.

Повинуясь инстинктам, рав-серен поднялся. Тело пронзила невыносимая боль. Он чувствовал, как обгоревшая кожа, сплавившаяся с одеждой, покрывается трещинами. На лице, шее, спине и руках выступила тёплая жидкость и обильно сочилась из образовавшихся ран.

Боль была всеобъемлющей. Она заполнила каждую клеточку тела, но инстинкт выживания рав-серена преодолел и это. Спецназовец вскинул руки, чтобы удержать над собой рушащийся потолок.

Раздался ещё один взрыв. Это была последняя, пятая взрывчатка, которую Хаим успел установить. Гигантская каменная плита сорвалась и рухнула прямо на рав-серена. Она должна была раздавить его, как жука, но каким-то невероятным образом он устоял на ногах и теперь держал плиту на своей могучей спине. Хаим Глыба Кац напряг все мускулы своего тела и надавил на камень. Из груди вырвался рык, и плита начала подниматься...

Вновь раздался треск, а за ним грохот. Рухнули последние бетонные основания стен и повлекли за собой оставшиеся плиты перекрытий.

Под неимоверной тяжестью кости военного надломились, и Хаима прижало к земле. Рав-серен почувствовал, как хрустнула грудная клетка. Боль с новыми силами охватила искалеченное тело и уже не отступала, оставаясь с Хаимом до самой смерти. Но смерть не спешила. Первыми она забирает слабых, оставляя сильных на десерт.

В какой-то момент до спецназовца донеслось шипение. Он сразу узнал звук рации. Хотя какой теперь в ней толк? Удивительно, что она вообще уцелела. Но вдруг Хаим услышал то, чего никак не ожидал:

– Глыба, приём! Как слышно? Глыба!

Опоссум! Из рации доносился голос его товарища. Голос друга, которого Хаим уже никогда не думал услышать.

Рав-серен хотел ответить, но не мог. Его тело было раздавлено. Единственное, что ещё было возможно – это дышать. Да и то с огромным трудом. Голос в рации затих и больше не появлялся. Вокруг было темно и тихо.

«Они живы... – думал рав-серен Хаим Кац, – а я... больше нет».

Время текло неумолимо медленно. Бессердечное и безжалостное, оно словно издевалось над умирающим, а непунктуальная блудница смерть, готовая прийти к каждому, всё никак не появлялась. Чего нельзя было сказать о боли. О безумной, страшной, непрекращающейся боли. Она была крайне верна военному и не покидала его ни на мгновение.

Оставалось только ждать. И он ждал. Секунды, минуты, часы... И только в тот момент, когда Хаим Кац подумал, что это мучение никогда не прекратится, всё закончилось.

Он умер.

Рав-серен понял это, потому что боль отступила. Просто исчезла. Ведь, как известно, боль не терпит смерть и пропадает каждый раз, когда та приходит.

Больше ничего не изменилось. Вокруг было всё так же темно и тихо.

– Приветствую тебя, Номер Пять.

Номер шесть

– Господин Окумура, самолёт готов.

Низкий утробный голос ворвался в сознание Кенджи. Дверь автомобиля, в котором он сидел, открылась. Перед ним возвышался его телохранитель, облачённый в чёрный костюм, с зонтом в вытянутой руке. Тонкие капли дождя разбивались о его массивную, гладко выбритую голову. Струйки воды стекали по грубой обветренной коже, цеплялись за щетину и срывались с грозного квадратного подбородка.

Из Rolls-Royce вышел невысокий худощавый молодой человек с волосами необычайно белого цвета и такой же кожей, что было особенно заметно в пасмурную погоду. Верхнюю часть лица скрывали большие тёмные очки.

Альбинос поспешил спрятаться от дождя под зонтом, который держал его телохранитель. Несколько особо ловких капель всё же упали на белое, как мел, лицо Кенджи Окумура, и он сразу же стёр их тыльной стороной ладони, словно они доставляли ему особый дискомфорт. На руке сверкнули крупные золотые часы.

– Идём, – тихо произнёс Кенджи и направился в сторону трапа огромного самолёта. Весь необъятный бок боинга занимал товарный знак корпорации Окумура – каллиграфическая надпись в форме символа бесконечности.

Дождь усиливался и всё громче барабанил по металличе-

ской скорлупе самолёта.

Не дойдя несколько метров до трапа, Кенджи остановился. Он замер так внезапно, словно его ноги пустили корни. Руки прилипли к бокам, а лицо застыло.

Телохранитель невозмутимо остановился рядом с Кенджи. Он не выказал ни обеспокоенности, ни удивления. Только в тяжёлом взгляде телохранителя можно было заметить едва уловимую печаль.

– Всё нормально, – вскоре произнёс Кенджи и продолжил путь. Его лицо не выражало каких-либо эмоций, лишь скулы альбиноса на мгновение напряглись.

Телохранитель коротко кивнул и ничего не ответил.

Альбинос в сопровождении телохранителя поднялся по трапу и зашёл в самолёт. Миновав холл и гостиную, он устроился в кожаном кресле кабинета.

За пять лет до этого дня – дня смерти известного каждому японцу Кенджи Окумура – молодому человеку исполнилось двадцать четыре года. Именно в этом возрасте он попал в число самых богатых людей мира. Уже на тот момент организация Окумура, которая первоначально задумывалась как консалтинговая компания, занимающаяся в основном аудитом, международным комплаенсом и инвестиционными проектами, захватила всё экономическое пространство Японии.

По сути, Кенджи Окумура, единственный полноправный акционер Корпорации, в свои двадцать девять лет был одним

из самых значимых и влиятельных людей в стране.

К Кенджи подошла бортпроводница и поинтересовалась, не желает ли он чего-нибудь выпить. Она была привлекательна и, по всей видимости, надеялась, что Кенджи обратит на неё внимание. Она улыбнулась, но её руки выдавали волнение: тонкие пальцы напряжённо сплелись между собой, что не укрылось от альбиноса.

Кенджи, который обычно не употреблял алкоголь, в этот раз решил сделать исключение. Он снял очки и посмотрел на стюардессу. Леденящий душу взгляд альбиноса пронзил девушку. Она вздрогнула, и улыбка на мгновение исчезла с её лица. Бортпроводнице стоило немалых усилий вернуть самообладание.

– Виски, пожалуйста, – сказал Кенджи, не отводя лишённого эмоций взгляда. Улыбка вновь исчезла с лица девушки и больше уже не возвращалась. Стюардесса сдержанно кивнула и поспешно удалилась.

Раздался телефонный звонок. Кенджи достал из внутреннего кармана пиджака Vertu и, вновь надев тёмные очки, посмотрел на экран. Мгновение альбинос размышлял, а затем выключил звук и положил телефон на стол экраном вниз.

Звонил отец. Видно, хотел поздравить его с днём рождения. Но из всех праздников именно этот Кенджи не любил больше всего. В этот день он невольно вспоминал события, о которых мечтал забыть навсегда, хотя именно они сыграли в его жизни самую значительную роль.

Кенджи попытался вернуться к размышлениям, прерванным телефонным звонком, но не смог. Вновь появилась стюардесса. На серебряном подносе блеснул хрустальный рокс с золотистой жидкостью, а рядом возвышалась металлическая чаша на длинной ножке, наполненная крупными кубиками льда.

Девушка аккуратно взяла бокал тонкими пальцами и осторожно опустила на стол перед Кенджи. То же самое она собиралась проделать с чашей.

– Спасибо, только виски, – остановил её альбинос.

Стюардесса дёрнула уголками губ, стараясь изобразить улыбку, и покинула кабинет.

Двигатели взревели, заглушая шум дождя, и самолёт сдвинулся с места. По мере того, как он набирал скорость, вибрация в салоне возрастала.

Кенджи сделал большой глоток и почувствовал, как густая жидкость обволакивает горло, а затем обжигает пищевод. Его тело вжалось в спинку сиденья. Шасси оторвались от земли, и самолёт начал набирать высоту. Кенджи поставил бокал на стол и закрыл глаза. Тем временем самолёт уже погрузился в густые облака.

Кенджи задремал и увидел сон.

* * *

Он в парке развлечений. С ним родители. Мальчик впер-

вые оказался в подобном месте, и его глаза разбегаются. Внимание привлекает игрушка, которая стоит на прилавке в качестве приза.

Вывеска гласит, что это динозавр *Дино*. Он стоит на задних лапах, которые торчат из-под увесистого жёлтого пуза, туго набитого ватой. Динозавр опирается на массивный зелёный хвост, усеянный тканевыми шипами фиолетового цвета. Зелёное на спине и жёлтое спереди тело плавно переходит в длинную и тонкую шею. На ней улыбающаяся голова с большими глазами. Фиолетовые шипы, которые начинаются на хвосте, доходят до самой макушки. Из того места, где тело сужается и плавно становится шейей, свисают передние лапы. Они больше напоминают руки крохотного ребенка с тремя растопыренными толстыми пальцами, нелепо торчащими в стороны.

В следующее мгновение Кенджи уже держит в руках три теннисных мяча. Они твёрдые и шершавые. Чтобы выиграть игрушку, ему необходимо все три раза попасть в небольшое круглое отверстие в подвесном ящике. Но Кенджи уже знает, что сделать это у него не получится.

Первые два мяча попадают в цель. Но третий отскакивает от ящика и падает на пол. Сердце мальчика сжимается от досады, а на глаза наворачиваются слёзы. Кенджи не знает, что расстроило его больше: отсутствие приза или осознание своего поражения.

Ребенок видит, как мама что-то говорит мужчине за при-

лавком. И хотя из-за какого-то странного гула Кенджи ничего не слышит, он знает, что речь идёт о цене динозавра. Продавец отвечает, и глаза женщины округляются. Она отводит взгляд и поджимает губы. Из её груди вырывается тяжёлый вздох.

Женщина старается не смотреть на сына, когда они отходят от аттракциона. Кенджи видит новую для себя эмоцию на лице матери. И с ужасом осознаёт, что это – стыд. Она стыдится того, что не может исполнить желание своего ребёнка. Холодное, липкое, вязкое ощущение стыда передаётся мальчику. Ему кажется, что все смотрят только на него. Чужие взгляды пронзают и делают больно. Словно раздевают его, выворачивают карманы и пытаются перекричать какой-то необъяснимый гул, заполнивший пространство:

– Да вы же совсем нищие! Что вы вообще здесь забыли?! Идите отсюда, не задерживайте очередь...

* * *

Кенджи открыл глаза. Самолёт гудел и нервно подрагивал. Бокал лежал на полу. Он не разбился, но содержимое вылилось на ковёр, из-за чего в воздухе стоял приятный аромат дорогого алкоголя.

Остатки сновидений походили на отвратительное послевкусие дурного вина и не покидали молодого человека. Они, словно волки, вцепились в сознание и рвали его своими ост-

рыми клыками. Нечто подобное происходило и в груди. Хаос. Словно пчелиный рой вырвался из раскуроченного палкой улья. Кенджи страдал, но лицо его оставалось непроницаемым.

Стюардесса подошла снова, но ничего не заметила. Кенджи хотел попросить её повторить напиток, но не смог. Его тело вновь парализовало. Он застыл и, не моргая, смотрел в одну точку. Руки и ноги намертво приросли к креслу. Когда оцепенение спало, стюардессы уже не было.

Волки тем временем вновь накинудись на его сознание. В животе возникло неприятное ощущение. Будто кислота заполнила желудок и устремилась к солнечному сплетению. Кенджи хотелось вцепиться пальцами в лицо и сорвать с него кожу. Альбиносу казалось, что лишь физическая боль сможет избавить его от *другой* боли.

Стюардесса тем временем всё же принесла новую порцию виски, но Кенджи даже не заметил этого.

Вокруг альбиноса сгущалась тьма. Инь проявлялась в Ян и заполняла его целиком. Беспросветная, неконтролируемая тьма. Она пожирала его душу, оставляя в груди большую, зияющую чернотой дыру.

Турбулентность усиливалась. Кенджи подумал об авиакатастрофе и с удивлением обнаружил, что эта мысль не пугает его. И дело было не в том, что он желал смерти. Конечно же, нет. Но его всегда интересовало, что же там, за чертой жизни, за пределами этого мира.

Кенджи подумал, что, быть может, этот самолет доставит его намного дальше, чем он мог предположить. И словно в ответ самолет загудел всем своим корпусом. Яркая вспышка и сопровождающий её раскат грома. Всё, что было плохо закреплено, слетело со своих мест, включая очередной бокал виски. Только на этот раз он разлетелся вдребезги. Осколки засверкали в свете очередной молнии. Боинг бросало из стороны в сторону, как пушинку.

«Как корова на льду», – подумал Кенджи, но в голове возник совсем другой образ. На льду оказалась не корова, а динозавр Дино. Только теперь он не выглядел весёлым и жизнерадостным.

Вместо фиолетовых тканевых шипов его спину покрывали стеклянные осколки, измазанные чем-то красным. А толстые пальцы и впрямь были точь-в-точь как человеческие. Он, не моргая, смотрел на Кенджи... Скорее, даже внутрь Кенджи. Дино словно пытался разглядеть душу своего старого приятеля, проверить её качество, а может быть, даже наличие.

Кенджи показалось, что пасть динозавра искривлена в ухмылке. Дино, будто заметив это, разинул челюсти. Вместо зубов тоже были окровавленные осколки.

Самолет потрянуло ещё сильнее, и уши пронзила резкая боль. Кенджи схватился за ручки кресла. Вспышки молний мелькали одна за другой, а раскаты грома звучали без остановки. Они словно стали полноправными пассажирами воз-

душного судна. Последнее, что ощутил Кенджи в конце жизни, – страх и холод. Ровно то, что он чувствовал в самом её начале.

* * *

– Приветствую тебя, Номер Шесть...

Кенджи хотел ответить, но ничего не вышло. Точно так же, как в те ужасные моменты, когда на него нападало непонятное оцепенение. Но сейчас он был уверен, что его недуг здесь ни при чём. Видимо, жизнь, наделив его психопатологическим синдромом, проявила милосердие и подготовила его к этому моменту.

Только на этот раз он останется в таком состоянии навсегда.

«Чей это голос?» – подумал Кенджи.

– Важно не «чей», а «где»...

Но Кенджи знал, где он. Вернее, предполагал. И, так как обычно все его предположения оказывались верными, Кенджи по-прежнему больше интересовал первый вопрос. И он вновь его мысленно задал.

– Это не так важно, Номер Шесть...

Кенджи не спешил продолжать диалог. Его распирало любопытство, но здравый смысл, как обычно, брал верх. Важное правило бизнеса, да и всей жизни: если с тобой кто-то идёт на контакт, значит, ему что-то от тебя нужно. А в такие

моменты лучше слушать, чем говорить.

Информация – сила. У неё, как и у всего остального, есть цена. И порой очень высокая. Так и сейчас. Речь в любом случае сведётся к сделке. Всё в этом мире сводится к сделкам. Дружба, брак, партнёрство – это всё сделки, заключаемые в различных формах и имеющие множество обличей. Действия лиц, порождающие или прекращающие взаимные права и обязанности, которые могут исполняться, а могут и нет. Но, во всяком случае, каждое действие влечёт последствия: негативные, позитивные, нейтральные. И все они по большей части материальные, даже если не кажутся такими на первый взгляд. А всё, что касается материального, имело для Кенджи особую ценность. В особенности если речь шла о его жизни.

Жизнь...

Словно разряд тока коснулся сознания Кенджи.

Мысль о жизни или её отсутствии вызвала странное, но очень знакомое ощущение. Словно внутри несуществующего, но до сих пор ощущаемого тела в том месте, где недавно находился живот, закопошился клубок чего-то живого, страдающего, неугомонного, пытающегося распутать самого себя. Как перетянутый множеством узлов Уроборос, наконец-то выпускающий свой хвост из пасти. Это нечто устремилось вверх и, перебравшись через желудок и лёгкие, заполнило всё пространство внутри черепа. Страх. Невидимый собеседник, словно пёс, учуял его, и теперь не спускал

с Номера Шесть хищного взгляда.

Может быть, нет больше никаких сделок? Все обязательства закончились. Растворились в воздухе, как дым остывающих углей. Потому что где-то в миллиардах световых лет, в другом мире, или даже в другой вселенной, под дождём, среди обломков частного самолёта, погребено истерзанное катастрофой тело.

А сам Кенджи – или как теперь назвать то, что от него осталось – больше не обременён ничем материальным. Ни властью, ни богатством. Одинокий и обездоленный, он застрял между мирами, застыл в непроглядной тьме, переполненный страхом и неуверенностью.

Смерть...

Вот то слово, от которого он пытался отогнать мысли. Слово, которое не смел произнести даже внутри собственного сознания. Отвратительное, страшное и безапелляционное. Да... Вот что ужаснее всего: смерть нельзя обжаловать. Всё что угодно может подлежать пересмотру, но только не она. Всего лишь одна попытка. Не две, не три...

Динозавр улыбается окровавленными зубами-осколками: «У тебя было целых три мяча, Кенджи. Три мяча! Ах, как жаль, что один пролетел мимо... Может, это именно он угодил в двигатель твоего Боинга?»

Динозавр Дино вразвалку, шаркающей походкой направляется в сторону Кенджи. Его жёлтое пузо тащится по земле. Он старается улыбаться, но Номер Шесть видит, как осколки

царапают его губы, и по ним льётся кровь.

Если бы третий мяч попал в цель, он не оказался бы в том самолете. Теперь Кенджи знал это наверняка. Однако он всё равно бы умер. Рано или поздно. Это неизбежно. А значит, неизбежно и то, что происходит сейчас. В это очень не хотелось верить. Но Номер Шесть чувствовал, что это действительно так.

Все события связаны между собой. Три мяча. Три инстанции. В третьей он проиграл. Дело было отправлено на новое рассмотрение. И вот кульминация всего процесса – оглашение приговора. Приговора, который не подлежит обжалованию. Мячей больше не осталось, и защищать его интересы здесь некому. А все его миллиарды больше не имеют никакого значения: деньги не интересуют *Ничто*, и сюда нельзя позвать адвоката. С другой стороны, чем бы адвокат ему помог? Динозавра он уже не выиграл. И за это Дино перегрызёт ему горло зубами-осколками.

Всё это показалось Кенджи забавным. И если бы он мог, то улыбнулся бы. Жаль, что он редко делал это при жизни. Но теперь вместо него улыбается Дино.

– *Теперь, я вижу, ты знаешь, где ты, Номер Шесть.*

– Я не боюсь, – ответил Кенджи.

– *Боишься. Все боятся. Но этого мало.*

– Для чего мало?

– *Этого мало для того, чтобы жить...* – ответил Дино.

Номер семь

Аркадий Стародуб медленно шёл по длинному коридору. Дощатый пол тяжело стонал под каждым его шагом. По сторонам, словно по стойке смирно, выстроились одинаковые тёмно-коричневые деревянные двери.

Кроме старика на этаже никого не осталось, хотя большую часть времени коридоры академии задыхались от количества людей. Короткий рабочий день уже несколько часов как закончился, но воздух до сих пор ощущался спёртым и сухим, отчего в горле немного першило.

Борясь с очередным приступом кашля, Аркадий наконец миновал пыльный коридор и подошёл к своему кабинету. Длинными морщинистыми пальцами он взялся за дверную ручку и потянул её вниз...

На мгновение Аркадий замер. Какое-то новое, неведомое чувство охватило его: оно, будто струйка ледяной воды, проникло в дыхательные пути и устремилось вниз. Холод пронзил солнечное сплетение, а затем живот. Внутренние органы словно покрылись льдом.

Старик внимательно посмотрел на деревянную дверь. Он открывал и закрывал её десятки тысяч раз, но никогда толком не разглядывал. По непонятной причине возникла мысль, что он больше её не увидит.

Аркадий долгим внимательным взглядом учёного окинул

дверное полотно. Он словно пытался запечатлеть его в памяти в мельчайших деталях. Несколько трещин в верхнем правом углу отдалённо напоминали латинскую букву «У». Рядом с золотой табличкой, на которой большими чёрными буквами значилось «*Профессор Стародуб Аркадий Тимофеевич, доктор философских наук*», появился небольшой скол.

Приступ ностальгии длился недолго, и Аркадий Стародуб зашёл в кабинет. Он плотно закрыл за собой дверь и на всякий случай подёргал ручку. *Двери нужно обязательно закрывать. В открытую дверь может что-нибудь проникнуть.*

В комнате, заставленной книжными шкафами, которые угрюмо нависли над небольшим письменным столом, царил полумрак. Аркадий, не включая свет, взял с полок несколько томов и положил в сумку. Он планировал в это время уже покинуть академию, но решил ещё ненадолго задержаться. Медленно прошёлся вдоль книжных полок. Затем сел за стол и перебрал стопки скопившихся документов. Часть из них засунул в портфель, а остальные разложил по ящикам.

«Вроде, всё готово», – подумал философ.

«Но к чему?» – неожиданно спросил он сам себя.

* * *

Через час Аркадий добрался до дома. Он снял верхнюю одежду и, оставив сумку с книгами и портфель в прихожей,

направился на кухню. На подоконнике небольшого окна раскинул свои фалангообразные ветви декабрист².

Взгляд профессора Стародуба остановился на растении. Он не мог оторвать от него глаз, словно декабрист обладал гипнотическими свойствами. Когда старик нашёл в себе силы отвести взгляд, он устало вздохнул и открыл холодильник, но почти сразу же его закрыл, так ничего и не взяв. Стараясь не смотреть на цветок, Аркадий вернулся в гостиную и сел на диван. Стрелки часов показывали девятнадцать сорок.

Аркадий хотел включить телевизор, но, пока искал пульт, передумал. У него возникло странное ощущение, что это время стоит провести иначе.

Философ подошёл к стационарному телефону, но так и не поднял трубку. Его взгляд остановился на многочисленных чёрно-белых и цветных фотографиях, стоявших на комодке рядом. На них застыли безмолвные лица всех его родных. Отец с матерью. Жена Зоя. Сын Александр. Несколько самых близких друзей.

Ни одного из них уже не было в живых. На глазах Аркадия выступили слёзы.

«Я скоро приду к вам, дорогие мои. Очень скоро...» – старик вытер ладонью глаза и подошёл к окну. Оттуда открывался прекрасный вид на Москву. Но старик смотрел не на город. Его взгляд был прикован к небу.

² Народное название кактуса Шлюмбергера.

В такие моменты Аркадий обычно либо погружался в воспоминания, либо размышлял. Он уже очень долгое время оставался в этом мире один.

Облокотившись на подоконник, философ созерцал в безоблачном небе необычно яркую и большую для Москвы луну.

Он думал о том, что жизнь как начинается с одиночества, так одиночеством и заканчивается. Остаются только небольшие отрезки времени, наполненные воспоминаниями и чувствами. Они оставляют после себя лишь потрёпанные документы, полузабытые награды и множество бесполезных предметов, значимость которых рассеивается быстрее, чем память об их владельце. Одинокая мебель, завешенные зеркала и запертые двери.

За окном окончательно стемнело, а луна спряталась за пеленой облаков.

Аркадий лёг на кровать и закрыл глаза. Ему казалось, он слышит плач новорождённого ребёнка, очень похожий на плач его собственного сына.

Жизнь подходила к концу. Книги, которые он забрал из академии, так и остались лежать в коридоре. Потёртый паспорт уже никогда не покинет кармана пальто. Тихонько поскрипывала старинная мебель, будто прощаясь со своим последним владельцем. Входная дверь была заперта на ключ.

Дверь...

Последняя мысль вызвала у философа тревогу и беспо-

койство. Закрыл ли он после ухода дверь кабинета? Мозг из последних сил обратился к памяти, но не смог получить ясного ответа. Руки в момент ухода были заняты сумкой с книгами и портфелем, а значит, есть вероятность, что дверь в его кабинет осталась открытой.

Аркадий хотел подняться с кровати и, несмотря на позднее время, поехать на работу, но было уже слишком поздно...

Было поздно закрывать какие-либо двери. Эта дверь навсегда останется для него открытой. Дверь, в которую может проникнуть что угодно. И это *что-то* ожидало по ту сторону порога.

* * *

– Сынок! Пора вставать!

Это был голос мамы. Аркадий открыл глаза, но ничего не увидел. Вокруг царила кромешная тьма. Аркадий хотел откликнуться, но не смог. Он не ощущал своего тела и словно парил в черноте.

– Папа! Ты, наконец, пришёл!

Это уже говорил сын.

– Дорогой? Ты слышишь? – прозвучал голос Зои.

«Где я? Почему ничего не видно?»

Думать удавалось с трудом, словно мозг погрузили в пугающе вязкую субстанцию, тормозящую движение нейронов

и все другие процессы, необходимые для мышления.

Что-то блеснуло. Появилась полоса света. Световой отрезок пересёк незримую черту и не прервался. Незавершённый отрезок – это луч. Аркадию вспомнился Островский. *Луч света в тёмном царстве.* Или правильнее будет сказать *в царстве тьмы?*

Вновь послышались голоса родителей, сына и жены. Теперь они звали его все одновременно. Вскоре Аркадий начал различать голоса друзей и дальних родственников. Голоса всё прибавлялись и прибавлялись. Звучали громче. Они перемешивались между собой, и вскоре стало невозможно различать отдельные слова. Этот шум вытеснил черноту, и одновременно к Аркадию вернулось ощущение самого себя. Как будто чернота и была той самой субстанцией, что блокировала любую деятельность. Философ глубоко вздохнул. Шум проник в него, и они стали единым целым.

– Приветствую тебя, Номер Семь.

Все стихло. Когда *Оно* говорит, всё остальное замолкает. Аркадий сразу это понял.

Вновь появился шум. Но теперь он звучал иначе. Аркадий начал различать отдельные голоса. Ему даже показалось, как кто-то крикнул: «Берегись!»

– Номер Семь...

Вновь всё стихло.

– О чём ты хочешь спросить?

За довольно долгую по человеческим меркам жизнь Арка-

дий прочёл и сам написал немало книг по теологии и философии. Он задавался вопросами о мире и месте в нём человека, возможности существования высшего разума, души и загробной жизни. Профессор часто задумывался, какие бы вопросы задал в такой ситуации, но не предполагал, что страх станет этому преградой.

Он замер, словно мыш, над которой нависли скрюченные когтистые лапы хищной птицы. «*Берегись!*» – вот что кричали ему родные. Но как они здесь оказались и где «здесь»? Почему он их слышит?

– *Страх – это естественно, Номер Семь. У тебя достаточно времени, чтобы собраться с мыслями.*

«Вот он выбор, – подумал Аркадий, – или только его иллюзия. Сложнейшее явление, сыгравшее в истории самую значительную роль. Оно предопределило всё существование человека. В христианской традиции Ева делает выбор: ест яблоко – и всё человечество изгоняется из рая. Выбор совершает “отец атомной бомбы” Роберт Оппенгеймер – и миллионы людей низвергаются в радиационный ад страшнее того, что описывал Данте. Теперь выбор стоит передо мной. И чем же я рискую? Ева не знала, какие беды кроются за одним кусочком сладкого фрукта. А Оппенгеймер должен был знать... В любом случае, знание, равно как и незнание, не освобождает от ответственности».

– *Выбор, Номер Семь. Всё верно... Я знаю, чего ты хочешь. Но ты всегда сможешь назвать своё имя...*

– Имя? – Аркадию показалось это знакомым или скорее символичным. – Вот, значит, зачем все эти номера... Тебе нужно имя. Но кто ты?

– *Это не имеет значения, Номер Семь...*

Аркадий перебирал в памяти религиозные и оккультные учения различных культур, в которых бы упоминалось о существовании, стремящемся вызнать имя собеседника. Но на ум ничего не приходило.

– *Номер Семь, в данный момент твоё имя не имеет значения... Только лишь для тебя. Важен выбор. Ты же хочешь знать? Всегда хотел. Целью твоей жизни было знание. Это твоя амброзия, Номер Семь, имеющая власть сделать твою душу бессмертной. Это ведь то, о чём ты думаешь? Вечная жизнь и вечное знание. Неразрывный тандем...*

Голос неожиданно прервался. Но мысль нашла своё продолжение в сознании философа. Словно заклинание, прозвучали в вечной черноте слова, и нечто, дремавшее в чертогах человеческого разума, пробудилось.

«Неразрывный тандем, – подумал Аркадий, – это я и моё вечное существование».

Мысль понравилась философу. Он ожидал реакции от невидимого собеседника, но её не последовало. *Ничто* предоставило Аркадия самому себе и теперь наблюдало, как учёный наслаждается полученным знанием. И как это знание уничтожает его. Аркадий, в свою очередь, думал о том, что хоть смерть и забрала тело, душу ей явно заполучить не

удалось.

Да, её тонкие, когтистые лапы добрались до его жизни. Но что есть жизнь? В любом случае, он точно не жаждал смерти: он боялся её больше всего на свете и даже сейчас продолжает испытывать этот страх. Философ, словно уговаривая самого себя, утверждал, что глупо и нелепо бояться естественного процесса. Но это не помогало. Аркадий Стародуб боялся смерти и ненавидел её. Он так и не смог смириться с потерей близких людей. И та мольба, которую он повторял вновь и вновь в течение многих лет, по всей видимости, была услышана.

Аркадия приводила в восхищение мысль, что он сможет увидеть будущее человечества: как сменяются поколения, как люди покоряют космические просторы и развивают новые технологии, совершают открытия в различных областях: физике, медицине, биоинженерии. Он, человек изучивший прошлое, сможет познать будущее. Бог, заключённый в мозге человека... Или его душе.

Аркадий много и часто думал об этом. Он всё-таки желал вечного существования, хотя осознавал всю тяготу этой ноши. Профессор как никто другой знал, что, помимо жизни, всё остальное также становится для бессмертного вечным. Одиночество, боль, сожаление, тоска... И другие чувства, которые так или иначе сопровождают человеческую жизнь.

А жизнь Аркадия была долгой, и он, конечно, сполна ощутил вкус одиночества. Происходившие вокруг события в ка-

кой-то момент перестали иметь для него значение. Они не вызывали интерес, и им овладело безразличие. Тогда профессор пришёл к мысли, что бессмертие сулит лишь апатию, но в глубине души всё равно продолжал мечтать о бесконечной жизни.

Да, тонкие когтистые лапы смерти добрались и до Аркадия Стародуба. Теперь у него действительно есть та вечность, о которой он так грезил. Только она оказалась совсем не такой, какой он её себе представлял. В вечности не было ничего. А *Ничто* и есть тот самый абсолют – первооснова бытия. Начало и конец всего сущего, не имеющее ни начала, ни конца. Антипод всех явлений, и даже такого понятия, как «явление».

И когда *Ничто* молчит, молчит всё, потому что больше ничего и нет. Никогда не было и никогда не будет. В *Ничто* можно быть откровенным. Больше нечего и некого стесняться. Аркадий боялся не только смерти в привычном её проявлении – он боялся и вечной жизни. Она, по сути, ничем не лучше небытия. Перенасыщение лишает всякой радости и наслаждения. Жизнь, которая неумолимо мчится вперед, постепенно отбирает то, к чему успел привязаться, а взамен отдаёт ничто. Вечная жизнь решает за тебя, кто будет рядом с тобой, а кто тебя покинет. Она отнимет сначала родителей, потом жену, друзей, затем детей, внуков, правнуков. Аркадий мог убедиться в этом на своём личном опыте, прожив не вечную, а просто длинную жизнь.

Да... Вот оно. Этот неразрывный тандем: ты и твоё вечное существование... И главный здесь не человек.

– Да, Номер Семь... Не человек!

Если бы Аркадий внимательнее отнёсся к последней фразе, он мог бы ощутить в ней скрытое ликование. А если чудовище ликует, следует остерегаться. Но *Ничто* существует слишком долго, чтобы допускать ошибки. Философ же думал о другом. Его мысли были уже не в этой непроглядной тьме, не в чёрной и бездонной пасти ненасытного монстра, а в других мирах и параллельных вселенных. Философ грезил о новых, не доступных никому из живущих знаниях. Его мечта сбылась. Его душа оказалась бессмертной, а все земные учения – ложными.

Ни наука, ни религия правильных ответов на вопрос, что есть смерть, как оказалось, не давали.

Но теперь новые знания доступны ему. И он готов получить причитающееся.

Номер восемь

«От вдохновения к творчеству. От буквы до создания произведения. Что-то совсем простое, но при этом невообразимо сложное. Такое светлое и очень страшное, спрятанное в недрах моей измученной души. Я чувствую некий порыв, страстно жаждущий выплеснуться наружу, но стыдящийся самого себя. Он наполнен чувствами, похожими на угасающие бенгальские огни. Но их уже никто и никогда не увидит. На смену сожалению приходит апатия; крохотная капля кипятка ударяется о толстую скорлупу льда.

Образы сменяют друг друга и, как слайды, бегут один за другим. Они исчезают в неизвестности и забываются так же легко, как возникают. Это то ощущение, когда я знаю, что потеряла, но уверяю себя, что даже никогда и не имела...

Творчество порождает вдохновение, а текст распадается на буквы. Вереницы слогов складываются в слова, которые так и не будут произнесены. Хочется сделать что-то значительное или хотя бы безнравственное, но кроме бездействия ничего не приходит на ум.

Всё, что нужно было сказать, не сказано, а то, о чём необходимо было молчать, провозглашено.

Остаются только красные строки, абзацы и знаки препинания. Одним словом – Ничто. Предложение начинается

с большой буквы, а заканчивается точкой. И, по всей видимости, между ними ничего не осталось. Заглавная буква и следующая за ней бесконечность. Экспозиция, завязка, кульминация и конец – объёмом меньше, чем один пробел.

Моя жизнь – одна среди тысяч таких же жизней. Поэтому всё индивидуальное становится общим, одинаковым, абсолютно неинтересным и банальным.

Вероятно, стоит что-то изменить, но делать это уже поздно: «Я вырыла себе глубокую яму...»

Пропущенные звонки, оставленные без ответа сообщения. Дела, которые больше не помогают отвлечься от реальности. Они даже не позволяют ощущать себя более или менее нужной... Или, как минимум, не особо бесполезной.

Электронный свет. Недокуренные сигареты. Опечатки. Что-то совсем простое, но при этом невообразимо сложное. Такое светлое и очень страшное...

Простите меня!

С любовью, Эльна».

Дневник Кейт Эванс

* * *

Вначале Кейт казалось, что это какая-то нелепая игра. Чья-то дурная шутка, юмор, повергающий в шок, вызывающий отвращение, злость и тошноту. Необдуманый акт привлечения внимания, который ставит всех присутствующих в

неловкое и глупое положение.

Но сейчас уже стало ясно, что происходящее никогда не имело ничего общего с юмором. Ни с хорошим, ни с плохим. Злой рок, даже ужасный, подлый и уродливый, с мордой гиены и телом червя, насильственно проскользнул в её жизнь и заполнил горем.

Теперь ей казалось, что действительность – понятие относительное. Как в ранее обожаемых ею фильмах и сериалах. Не имеющее определённых границ и чётких временных рамок. Кейт ощущала себя главным героем этой Вселенной. Персонажем, у которого есть прошлое, настоящее, и все с интересом наблюдают, что же будет дальше. Только Кейт было плевать, чего от неё ждут окружающие. Её шоу подходило к концу... Финальная серия последнего сезона. Хэппи-энда не произошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.